

Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет

А. Е. Перебейнос, Т. Г. Пташко

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
МОЛОДЕЖИ УРАЛА
КОНЦА XIX– НАЧАЛА XX ВВ.

Учебное пособие

Челябинск
2024

УДК 9(471.5)16:39

ББК 63.3(2Р36)5:63.59

П 27

Рецензенты: Королев Н.С. канд. ист. наук, доцент

Горшков С.М. канд. ист. наук, доцент

Перебейнос, Артем Евгеньевич

П27 Повседневная жизнь молодежи Урала конца XIX– начала XX вв. / А. Е. Перебейнос, Т. Г. Пташко; Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет. – [Челябинск] :, 2024. – 120 с.

ISBN 978-5-93162-189-0

Учебное пособие содержит материалы о повседневной жизни населения Уральского региона периода конца XIX–начала XX вв., раскрывает особенности быта, семейно-брачных отношений, общественно-культурной жизни, влияние деятельности церкви на воспитание подрастающего поколения, миссионерское влияние на старообрядческое население, негативные явления повседневности. Учебное пособие ориентировано на бакалавров, обучающихся по направлению подготовки «Педагогическое образование» и «Социальная работа».

УДК 9(471.5)16:39

ББК 63.3 (2Р36)5:63.59

ISBN 978-5-93162-189-0

© Перебейнос А. Е., Пташко Т. Г., 2024

Содержание

Пояснительная записка	4
1. Организации быта молодежи Урала второй половины XIX – началаXXв.....	5
2. Организация массового времяпрепровождения Уральского населения в летний период (вторая половина XIX - начало XX вв.)	14
3. Музеи в досуговой системе Уральского населения	23
4. Семейно-брачные отношения в жизни уральского православного населения в 80-е годы XIX в.....	34
5. Участие учащейся молодежи в общественно-культурной жизни уральского региона во второй половине XIX – начале XX веков	45
6. Влияние деятельности церковно-приходских школ на повышение уровня образования детей и молодого населения Урала кон.XIX-нач. XX вв	58
7. Религиозно-нравственные чтения в повседневной жизни уральского православного населения в 80-е годы XIX – начало XX в.в.....	70
8. Негативные явления повседневной жизни молодежи Урала во второй половине XIX – начале XXв.....	78
9. Молодежный алкоголизм	89
10. Возрастание миссионерского влияния на старообрядческое население Урала повседневной деятельности православной церкви во второй половине XIX-начале XX	97

Пояснительная записка

Одной из актуальных и социально значимых задач, стоящих перед нашим обществом сегодня работа с молодежью, ее вовлеченность в разнообразные сферы общества, проявление ее социальной активности. Эта работа важна для современной педагогической науки и социальной работы и неизменно находится в центре внимания государства. Именно грамотно выстроенная работа позволяет предупредить формирование асоциальных качеств личности, вовлечь в институты гражданского общества.

В этой связи важным является вопрос изучения исторического наследия работы с молодым поколением. Важными вопросами и сегодня выступают организация досуга, работа с молодыми семьями, участие молодежи в общественно-культурной жизни, взаимодействие с церковью как институтом религиозного воспитания.

Исследование опыта работы с молодежью позволяет извлечь положительные аспекты, которые могут быть использованы в современной практике общественной деятельности с молодежью.

Учебное пособие ориентировано на бакалавров, обучающихся по направлению подготовки «Педагогическое образование» и «Социальная работа».

1. Организации быта молодежи Урала второй половины XIX – начала XX в.

Одной из распространенных форм проведения досуга становился/стало чтение. Этому способствовало открытие большого числа заводских и земских библиотек с обширным, по тем временам, книжным фондом. Их значение в деле повышения культурного уровня заводской молодежи, по нашему мнению, было велико/была велика. Там, где полученные в начальной школе минимальные знания не находили применения на практике, у молодых рабочих часто наблюдался рецидив безграмотности [1].

В связи с этим проблема необходимости создания библиотек становилась настолько острой, что местное заводское население при поддержке земства собирало средства на их открытие. Так были созданы библиотеки при Очерском и Нытвенском заводах [2]. Это явление было характерно и для других предприятий Урала. Например, значительные фонды периодических изданий имелись на Ижевском и Мотовилихинском заводах. Здесь рабочими выписывалось 500 и 700 экземпляров газет и журналов соответственно. Спросом пользовался журнал «Родина». Из центральных газет чаще всего читали «Природа и люди», из местной периодики – газеты «Урал» и «Уральский Край» [3]. Молодежь привлекала хроника происшествий [4].

Помимо газет и журналов у рабочей молодежи пользовались спросом произведения классиков русской и зарубежной литературы. Литературные предпочтения молодых работников Чердынского и Екатеринбургского уездов были разнообразны. Они читали произведения Л.Н. Толстого, Н.А. Некрасова, Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева, В.Г. Короленко, Д.Н. Мамина-Сибиряка, А.М. Горького, Г.П. Данилевского, М.Ю. Лермонтова, А.В. Кольцова, А.П. Чехова, А.С. Пушкина, Ж. Верна, М. Рида, Ч. Диккенса, Ф. Купера и др. [5].

Интересы юношей и девушек Урала относительно литературы, по некоторым данным, были весьма широкими. Так, в молодежной среде Уфимской губернии в начале XX в. предпочитали учебную литературу [6]. Чаще всего молодые рабочие читали приключенческие романы и

рассказы. В литературе такого жанра их привлекала находчивость, мужество, изобретательность главных героев, которые умели выходить из самых трудных ситуаций.

Влияние на рабочую молодежь оказывали и нелегальные библиотеки учащейся молодежи, которая бросала вызов обществу, и семейным устоям[7]. Общественность всерьез относилась к учебной литературе[8]. Молодежь воспринимала книгу как на источник знаний и правдивой информации. Случаев порчи или потери библиотечных книг практически не было.

В большинстве случаев молодые люди, как и значительная часть населения, плохо разбирались в содержании печатной продукции. В результате среди печатной продукции также было много «календарей, песенников и тому подобной дряни» [9].

Однако стремление молодежи к чтению было велико. Стоит отметить тенденцию молодежи к чтению, характерную для данного периода в целом. Например, в рабочих казармах предприятий Чердынского уезда после 12–15-часового рабочего дня молодые люди просиживали за книгой ночь напролет [10].

О том, что молодежь была одной из самых читающих групп заводского населения, свидетельствует возрастной состав читателей. Так, в библиотеке Мотовилихинского и Павловского заводов молодежь от 15 до 20 лет составляла около 25 % от общего числа читающих групп. Такая же картина наблюдалась и в других библиотеках Урала[11].

Однако стоит отметить, что, несмотря на довольно высокий процент читающей молодежи, для указанного периода характерна малограмотность, связанная с недостаточностью уровня полученного начального образования, а также отсутствие достаточного количества выпускаемой литературы, пользующейся спросом у молодежи.

В 1900-е гг. XIX в. наблюдается все большее участие молодежи в общественной и политической жизни [12]. Одновременно на протяжении длительного периода времени (4 февраля 1888 – 2 декабря 1905 гг.) действовал так называемый разрешительный каталог книг для народных библиотек. В этом документе делался упор на книги нравственно-религиозного содержания[13]. Такое положение часто приводило к од-

ностороннему подходу в формировании книжных фондов, что тормозило процесс обновления книг. Так, в 29 библиотеках Екатеринбургского уезда более 40 % книг было от 15 до 24 лет[14].

Ситуация в ряде районов Урала приводила к тому, что на удовлетворение потребности в чтении нередко «обращался и обрывок газеты, и картинки с текстом, и билетки от конфет – и все это перечитывалось несчетное число раз и выучивалось»[15].

Росту культурного уровня населения, в частности, способствовали народные чтения. Организаторами таких мероприятий часто выступали общества трезвости, земства, учреждения мелкого кредита, кооперативы.

Тематика таких чтений была различна. На них обсуждались газетные и журнальные научно-популярные статьи, читались вслух произведения русских классиков. Так, по инициативе «Общества попечения о народной трезвости» г. Екатеринбург 9 января 1900 г. в здании императорской гранильной фабрики состоялось чтение на тему «Христофор Колумб и открытие Америки». Среди слушателей, численность которых была достигала 1,5 тыс. человек, царила мертвая тишина[16].

В г. Глазов Вятской губернии народные чтения вызывали огромный интерес, о чем свидетельствовали всегда заполненные залы, а в Камышловском заводе количество слушателей достигало 20 тыс. человек в год. Часто на подобные чтения люди приезжали из окрестных деревень[17]. В 1902 г. организованные «Обществом попечения о начальном образовании» чтения посетило 5 080 человек, из которых подростки составили 2 138 человек, или 42,7 %[18].

Подобное времяпрепровождение в целом способствовало отказу от вредных привычек среди молодежи[19]. Однако во время некоторых чтений все же имели место случаи распития спиртных напитков и азартных игр[20].

На наш взгляд, это объясняется низким культурным уровнем рабочих в целом. Некоторые видели в организации подобных мероприятий «только объекты для остроумия желчного и нездорового». Причиной трудностей организации подобных чтений также были отсутствие постоянного помещения, нехватка фонарей и картин[21].

Еще одним явлением общественно-культурной жизни региона были театральные представления. Они нередко проходили на территории заводов. Так, на Нижне-Тагильском заводе 6 декабря 1891 г. была поставлена пьеса «Из темного угла». В январе 1900 г. там же прошел спектакль «Светит, да не греет». Оба представления имели большой успех, и зал был переполнен. Такие мероприятия проводились и на других предприятиях Урала: Каслинском, Кыштымском, Шадринском, Березовском, Лысьвенском заводах[22]. Часто эти представления носили благотворительный характер.

На Благовещенском заводе 21 ноября и 6 декабря 1908 г. были даны поставлены спектакли, выручка от которых пошла на нужды местной женской прогимназии[23].

Однако на рубеже XIX–XX вв. уральская публика в большинстве своем предпочитала легкие оперетты и различного рода развлекательные действия серьезным драматическим произведениям. Так, руководитель драматической труппы в Челябинске был вынужден приглашать для «усиления сборов» атлета-борца Бесова, который после представления вызывал желающих на поединок. Екатеринбургцы 6 августа 1890 г. выступлению оперной певицы предпочли поединок кавказского борца Кудрии с местным извозчиком[24].

Подобные факты, на наш взгляд, с одной стороны, объяснялись недостаточно высоким уровнем культуры населения в целом. С другой стороны, отсутствие нравственно-эстетических вкусов в молодежной среде было вызвано запоздалым появлением театров на Урале. Если в таких городах, как Ярославль, Воронеж, Саратов, Самара, Астрахань, Казань и Калуга, театры имели более чем полувековую историю, то первая постановка в Екатеринбурге состоялась только в 1843 г. Особенно низким уровень театральной жизни был в Челябинске[25].

Рабочая молодежь Урала активно посещала клубные и общественные мероприятия. Здесь под оркестровую музыку проходили балы-маскарады, танцевальные вечера. Так, на Нижне-Сергинском заводе осенью 1890 г. стараниями служащих было открыто общественное собрание, которое за короткий срок организовало два танцевальных вечера для рабочих[26]. В клубах молодые люди проводили время за игрой в

карты и на бильярде[27]. Посещение таких увеселительных заведений было небезопасным, т.к. часто по вине «подонков общества, предававшихся дикому и пьяному веселью» там происходили «кровопролитные сражения»[28].

Существенное разнообразие в досуг юных жителей г. Ирбита вносила одна из крупнейших ярмарок России. С ее началом в городе начинались различные увеселения. Кроме театра, на время торговли приезжали артисты и рассказчики. Проводились различные панорамы, выставки, выступали петрушки и акробаты. Также функционировал пассаж, где ежедневно с 6 до 10 часов вечера играл оркестр[29]. Сопутствующие Ирбитской ярмарке художественные мероприятия заметно разнообразили культурную жизнь города.

Активно отмечались рабочей молодежью православные праздники, которые были неотъемлемой частью духовной культуры Урала. Одним из таких была Троица. Девушки ходили в лес, где срубали молодую березку и украшали ее. Затем они наряжались женихом и невестой, стариком и старухой, барышней и кавалером, ходили по улице с березкой и пели. Жители выходили и угощали их тем, что берегли с Пасхи. Затем все отправлялись пировать на природу[30].

Еще одним всенародным праздником была Пасха. На центральной площади устанавливался балаган с марионетками и шарманкой. Рядом ставились круглые качели, по соседству с которыми располагались две телеги со снедью. Там молодые парни «метали орла и катали крашеные яйца с лотка на очерченный на земле круг». Если биток (яйцо), скатившись с лотка, не задевал ни одного яйца из круга, то оставался в нем[31].

Наибольшей популярностью у молодых уральцев пользовались Масленица и Святки. Любимым занятием на Масленицу повсеместно было катание на лошадях по центральным улицам. Например, в Пермь приезжали кататься из окрестных сел: Мотовилихи и Верхних Муллов[32].

Такие катания были распространены и на Чермозском заводе. Вечером там устраивались катанья на санях – «катушки». Катались обыч-

но на больших санях по четыре человека: два парня и две девушки. Гора освещалась разноцветными фонарями[33].

На Святки жизнь молодых оренбуржцев заметно оживлялась «дававшимися ежедневно в театре спектаклями, вечерами, балами, елками»[34]. Как правило, на следующий день после храмовых праздников; молодежь собиралась на вечерки. Правда, нередко веселье сопровождалось водкой, непристойными шутками, мордобитием и другими безобразиями[35].

Претерпевает изменения и внешний облик заводской молодежи. Это прежде всего связано с тем, что к последней четверти XIX в. широкое распространение получает одежда нового городского типа. Национальный костюм почти совсем выходит из употребления[36]. Первые заработанные деньги юноши, как правило, тратили на сапоги, т.к. лапти были непригодны для заводских работ. Их носили в любую погоду. Работая на фабрике, молодые люди одевали поверх сапог деревянные (как правило, из березы) сандалии, чтобы сберечь обувь[37]. Описывая стиль одежды фабричных рабочих, инженер-технолог А. Голгофский в своем докладе на Всероссийском торгово-промышленном съезде в Нижнем Новгороде в 1896 г. отмечал: «Невольно обращает на себя ваше внимание группа людей..., одетые на особый лад: брюки по-европейски, рубашка цветная навывпуск, поверх нее жилетка и неизменный пиджак, а на голове фуражка из сукна»[38].

Вообще молодые рабочие одевались чисто, аккуратно и весьма щегольски. Девушки и молодые женщины в те годы носили узкую кофту и расклешенную юбку. Чаще всего их шили из одного материала, и они воспринимались как цельное платье. Праздничные платья шили из недорогой шерсти (большой частью из кашемира), в отдельных случаях (например, венчальные платья) – из шелка. Кофточки отделывали рюшечками и вставочками из гипюра. Повседневные кофты и юбки шили из ситца и сатина. На Чермозском заводе, например, часто можно было встретить парней, одетых в драповые пальто, лайковые перчатки и круглые шляпы, бурнусы и кринолины[39].

Таким образом, социально-экономические и культурные условия Уральского региона конца XIX – начала XX в. изменили повседневную жизнь населения.

Несмотря на то, что система организации досуговой деятельности еще только формировалась, свободное время рабочая молодежь стала проводить более насыщенно и разнообразно. Все большее место в повседневной жизни молодых уральцев начали занимать народные чтения, самодеятельные спектакли, посещение библиотек, театров, воскресных школ, занятия физкультурой.

Под влиянием культурно-массовых мероприятий, организаторами которых в те годы выступали общественные организации, администрация предприятий, энтузиасты из числа местной интеллигенции, купечества, шло повышение общего культурного уровня, формирование эстетических вкусов, и читательских интересов молодежи.

Вместе с тем наряду с новой формой проведения досуга молодых рабочих и работниц уральской промышленности, по-прежнему значительное место занимали религиозные праздники и обряды.

Под влиянием городской культуры заметно изменился и внешний облик молодых уральских тружеников. К концу изучаемого нами периода рабочая молодежь Урала почти полностью отказалась от традиционного народного (деревенского) костюма. Его место заняла одежда городского типа. Чаще всего проводниками городской моды в рабочую среду выступали инженерно-технические работники промышленных предприятий, врачи, учителя и другие представители городской интеллигенции.

Существенные изменения в социально-экономической и культурной жизни региона трансформировали облик, запросы и повседневную жизнь молодых уральцев.

Список источников

1. Тебиев Б.К., Шамахов Ф.Ф., Усачева Р.Ф. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР: конец XIX – начало XX вв. М. 1991, с. 59–61, 65.

2. Фарисов А.И. Запросы народа. – Исторический вестник. Т. XLIV. СПб. 1891, с. 206.
3. ГАПО Государственный архив Пермской области, ф. 276, оп. 2, д. 10, л. 64; Вятский Край. 7 апреля 1895 г. Екатеринбургская неделя. 6 марта 1888 г.; Екатеринбургская неделя. 23 декабря 1890 г.; Екатеринбургская неделя. 15 января 1895 г.
4. Пермская земская неделя. 22 января 1909 г.
5. Пермская земская неделя. 13 декабря 1907 г.; Пермская земская неделя. 22 января 1909 г.; Пермская земская неделя. 19 ноября 1909 г. указать год.
6. Уфимский Край. 3 марта 1908 г.
7. Рушанин В.Я. Нелегальные библиотеки уральской учащейся молодежи (60–80-е гг. XIX в.). – Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2012. № 1 (29), с. 7–11.
8. Его же. Журналы и газеты учебных заведений Урала (вторая половина XIX – начало XX веков). – Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2012. № 10 (269), с. 50–54.
9. Пермская земская неделя. 22 января 1909 г.
10. Пермская земская неделя. 29 января 1909 г.
11. ГАПО, ф. 276, оп. 2, д. 10, л. 78об.; Вятский Край. 7 января 1895 г.; Екатеринбургская неделя. 23 декабря 1890 г.; Екатеринбургская неделя. 10 ноября 1891 г.; Пермская земская неделя. 19 ноября 1909 г.
12. Рушанин В.Я. Молодежное движение в России: Региональный аспект (1861–1904 гг.). Челябинск. 1998, с. 105, 115.
13. Уфимская земская газета. 15 марта 1906 г.; Екатеринбургская неделя. 8 июля 1890 г.
14. Пермская земская неделя. 17 мая 1907 г.
15. Вятский край. 2 марта 1895 год?; Пермская земская неделя. 22 января 1909 г.
16. Рудокон. 5 февраля 1899 г.
17. Пермская земская неделя. 15 апреля 1907 г.
18. Отчет правления попечения о народном образовании в г. Челябинске. Челябинск. 1903, с. 11–15.

2. Организация массового времяпрепровождения Уральского населения в летний период (вторая половина XIX - начало XX вв.)

В 30-50-е гг. XIX века даже жители губернских городов Урала не могли похвастаться достаточным количеством мест в губернских центрах для проведения своего досуга в летний период. «Общеизвестных развлечений Пермь того времени почти не знала, если не считать бульвары, где начинала играть музыка, ... музыкантами были гарнизонные солдаты, ...гулянья на городском бульваре плохи приживались...»[2,С.3]. Примерно такая ситуация была и в других губернских городах Урала, а об уездных городах, за исключением Екатеринбурга, и говорить не приходилось. Однако с отменой крепостного права, проведением в 60-70-е гг. XIX века либеральных реформ (особенно с созданием земств и городской самоуправления) ситуация быстро начала меняться к лучшему.

В провинциальных городах России, в том числе и на Урале, во второй половине XIX века активно обустроивались места массового отдыха горожан в «городской черте». Ими становились сады, скверы, парки, бульвары и набережные. Например, по решению Пермской городской думы с 1881 года началось переустройство бульвара, который в разное время назывался Западным бульваром, городским садом и т.п. В ходе этой реорганизации был разбит общественный сад и построен летний клуб общественного собрания, открытие которого состоялось 6 июля 1882 года. Сад стал называться садом общественного собрания, и «превратился в любимое место, отдыха горожан. Ежедневно, кроме субботы и понедельника, в саду играл духовой оркестр. В здании летнего клуба были место для театра, в котором давали спектакли приезжие опереточные и драматические труппы, буфет, бильярд, комнаты для игры в карты, кегельбан [22, С.183-185].

Помимо традиционных, общепринятых мест отдыха на Урале, некоторые города и заводские поселки имели свои специфические места отдыха. Так, в летние месяцы любимым местом отдыха уфимцев были Уральская и Сафроновские горы, «Чертово городище» и местность в районе «Висячего Камня» [16,С. 91]. В Челябинске для отдыха горожан был обустроен небольшой остров на реке Миасс. Екатеринбургцы име-

ли возможность отдыхать на частной Симановской даче. Некоторые крупные уральские заводы также имели свои дачи, которые приспособивались для отдыха своих служащих и мастеровых. Например, Верх-Исетский завод часть своей лесной дачи оборудовал для массовых гуляний жителей заводского поселка. Сюда же приезжали отдыхать и екатеринбуржцы.

Таким образом, горожане, жители заводских поселков, оставшиеся в городе, в поселке на лето имели возможность отдыхать, активно используя для этого имеющиеся возможности. К их услугам были городские сады, скверы и парки, заводские дачи, городские бульвары и т.д. Многие из них были частными, но их хозяева, как правило, беспрепятственно предоставляли для отдыха населению. Времяпрепровождение носило массово-развлекательный характер и было неплохо продумано городским самоуправлением, частными владельцами и администрацией заводов.

Как правило, в начале мая месяца каждого года официально проводилось открытие весенне-летнего сезона. О предстоящем открытии население информировалось через афиши, об этом писали местные газеты, сообщая о программе, которую предстоит увидеть зрителям. Анализ этих публикаций и афиш дает полное представление не только о дне и времени открытия весенне-летнего сезона, но и о крупных мероприятиях, которые проходили в этот праздничный день в местах массового отдыха уральских обывателей. Вот что по поводу открытия весенне-летнего сезона в 1886 году в Симановской даче писала «Екатеринбургская неделя». Открытие сезона «ознаменовалось массовым гуляньем, была музыка с фейерверками. Запускались ракеты с разноцветными звездами, дымом и треском» [13, С.303].

В течение лета в местах массового гулянья и времяпрепровождения устраивались различные культурно-увеселительные мероприятия. Например, 30 августа 1886 г. в день тезоименитства Государя Императора на городском бульваре Екатеринбурга проходило гуляние, «...публики было так много, что никогда не приводилось видеть. Бульвар иллюминирован... разноцветными фонарями и плошками. Пускались ракеты...» [14, С.639].

В Харитоновском саду Екатеринбурга в течение летнего сезона 1894 г. давались спектакли товариществом артистов под управлением М.Л. Гусева. «Теперь в Харитоновский сад можно идти с семьей, безбоязненно услышать со сцены какую-нибудь скабрёзность или увидеть зрелище сомнительного свойства - в настоящее время там ставятся преимущественно комедийки, водевили и т.п. Как на новинку можно указать на устройство г. Гусевым ежедневные детские гулянья. Детей собирается немало, и юная публика веселится от души, играя в ... крокет и др. игры. В саду играет оркестр» [15, С.431]. Харитоновский сад, как отмечает современная исследовательница О.Н. Яхно, успешно работал и в начале XX века. Здесь к услугам посетителей приглашались цирковые коллективы, приезжала малороссийская драматическая труппа, на сцене сада выступали различные артисты [23, С.89].

В 1906 г. со стороны Челябинской железнодорожной станции, ближе к городу началось благоустройство березовой рощи, создавался летний сад общественного собрания. На его территории был построен, говоря современным языком, «развлекательный комплекс», включающий в себя летний театр, ресторан с открытой верандой, где был бильярд и место для карточной игры. Сад быстро стал любимым местом отдыха челябинцев.

Но особенно он славился симфоническим оркестром, которым руководил Г.Д. Моргулис. В Челябинск его пригласила городская управа. Под его руководством был создан очень сильный в профессиональном отношении музыкальный коллектив из числа талантливых молодых музыкантов Москвы, Петербурга и других городов, которых он лично подбирал в свой оркестр. Для челябинской публики и гостей города оркестр исполнял сочинения русских и зарубежных композиторов. Но он часто играл и «легкую» развлекательную музыку, которая удачно соответствовала настроению отдыхающей публики.

Оркестр привлекал зрителей не только великолепным своим исполнением, но и внешним видом оркестрантов. На концертах перед зрителями они выступали в черных костюмах и белых манишках с накрахмаленными воротниками, в лаковых туфлях. Солисты выходили на сцену во фраках. Такой внешний вид музыкантов был необычным

для челябинской публики. Вообще, наличие в саду общественного собрания хорошего симфонического оркестра способствовало тому, что «публика мало-помалу начинает привыкать к серьезной музыке, посещая симфонические концерты...»[12,С.3].

Массовые гулянья в саду проходили по воскресеньям по соответствующим программам. В соответствии с ними перед зрителями выступали артисты разных жанров. На сцене летнего театра выступали и гастроллирующие артисты, исполнявшие романсы. А вечером в саду устраивались танцы. Гулянья сопровождалась фейерверками. Но в Челябинске этот сад был не первым и не единственным местом массовых гуляний горожан. Еще в 1874 году на Южном бульваре в березовой роще был разбит городской сад с открытой сценой и клубом. В 1897 году к открытой сцене добавилась площадка для катания на роликовых коньках (тогда говори ни «коньки на колесиках»). А в 1905 году здесь был построен летний театр [17,С.92].

Часто в садах общественные организации устраивали в благотворительных целях массовые гулянья. Так, 30 августа 1907 года в общественном саду Челябинска состоялось «большое гулянье в пользу общественных курсов. Его организатором было общество попечения о народном образовании. В программе гулянья был концерт, в котором участвовали оркестр Г.Д. Моргулиса, хор под управлением Серова и хор (оркестр) балалаечников под руководством Мягкова. Кроме этого зрители увидели комедию «Под солнцем Юга» [3,С.3].

Для тех челябинцев, которые по разным причинам не смогли посетить сад, местная газета подробно рассказывала, как проходило это народное благотворительное гулянье. «Сад был положительно переполнен. Особенно много было детей, которых влекли фейерверки... К сожалению, большинству публики за недостатком скамеек все время приходилось слушать музыку, стоя на ногах. Спектакль любителей драматического искусства также привлек много публики»[4,С.2].

В 1909 г. газета «Приуралье» сообщала, что 29 июля в саду общественного собрания состоится большое благотворительное гулянье, «чистый сбор с которого поступит в кассу Челябинского общества поможения народного образования» [19,С.2]. А 6 августа этого же года

прошло еще одно благотворительное гулянье в пользу Челябинского детского приюта. Собранные деньги пошли на строительство молочной фермы приюта [21,С.2].

В начале XX века сад общественного собрания становится еще и местом проведения бенефисов. Так, 6 августа 1908 года в саду состоялся бенефис концертмейстера Г.Д. Моргулиса. «Голос Приуралья» поместил в газете следующую информацию о предстоящем торжестве. «Программа бенефиса составлена разнообразно. Цветочные клумбы иллюминируются, будет сожжен фейерверк. После спектакля состоится концертное отделение. В садовой раковине оркестр под управлением Г.Д. Моргулиса исполнит особую программу. В заключении - танцы и серпантин» [5,С.2].

21 августа 1911 года летний театр, расположенный в саду общественного собрания, закрытие драматического сезона отметил бенефисом артиста и режиссера А.М. Кречетова. «Ставилась интересная пьеска Антропова «Блуждающие огни» [6,С.3]. Конкуренция между двумя садами, сквером и островом на реке Миасс заставляла администрации этих «развлекательных центров» Челябинска искать новые, необычные виды представлений. Например, 4 июня 1909 года в саду общественного собрания во время народного гулянья синемаграф впервые начал демонстрировать фильмы... В конце гулянья был «пущен воздушный шар» [7,С.2].

Позже синемаграф, как весьма прибыльное дело, стал работать и на острове реки Миасс. А весной 1911 года здесь открылось летнее помещение «Нового клуба», сада общественного собрания стала первой среди развлекательных центров в летний период включать чтение научно-популярных лекций в программы народных гуляний. Например, 21 августа 1911 года врач Н.И. Красовский с 12 до 13 часов читал лекцию о холере, вход был бесплатным.

Администрация, Советы старшин, широко используя имеющиеся возможности общественных и частных садов, парков и скверов, и благодаря договоренностям с любительскими и профессиональными творческими коллективами, местными и гастролирующими артистами, успешно организовывали досуг уральского населения в летнее время. В

эту специфическую систему массово-развлекательного досуга входили: танцы, выступления любительских и профессиональных опереточных и драматических, хоровых и цирковых коллективов, концерты с участием любителей и профессиональных гастролирующих артистов, игра в карты, лото, крокет и бильярд, катание на роликовых коньках, наблюдения за запуском воздушных шаров и фейерверков, демонстрация синематографом фильмов. К услугам публики работали буфеты, где можно было выпить вина, пива и закусить. Из этого довольно обширного перечня обывателю было что выбрать для своего развлечения и удовольствия.

Однако некоторую часть постелей садов и парков даже такой широкий выбор извлечение не устраивал. Они требовали, чтобы организаторы садово-паркового досуга постоянно вели поиск новых видов и предлагали их отдыхающей публике. В Челябинске редакция газеты «Приуралье» с удовольствием предоставляли им возможность выступить по этому поводу на страницах своего издания. Вот как комментировал один из корреспондентов эту ситуацию в 1909 году в информационном сообщении «Большое народное гулянье», состоявшееся 19 июня в общественном саду. «Публики было мало, по-прежнему дешевый фейерверк... три ракеты, по-прежнему скучная программа синематографа, по-прежнему жиденский оркестр и тоскующая публика». А дальше идет прямая угроза: «Если программа гулянья не изменится, то публика перестанет посещать сад общественного собрания» [20,С.2]. Автор половину развлечений «забраковал».

Однако стоит заметить, что появление таких «архикритических» публикации было редкостью. Чаще в местной прессе встречались не огульная и не всеобщая критика, а конструктивные предложения, направленные на улучшение работы скверов и парков. Вот пример такой заметки, где наряду с критическими замечаниями есть и толковые предложения. «Городской сквер, то место,... где с удовольствием можно отдохнуть в вечернее время после трудового дня. К сожалению, гулять по скверу разрешено почему-то только до 9 часов вечера. В это время по скверу проходит сторож со звонком, после чего публика бесцеремонно выставляется. Выгонять гуляющих из сада сторожу помогает или горо-

довой или казак. По чьему это распоряжению делается?... «Управа приказала», - кричит сторож и запирает ворота, предоставляя публике выбраться из сада, перелезая через тын... Ворота надо запираить не раньше 11-12 часов вечера. Необходимо кому следует внушить сторожу сквера, чтобы он вежливо обращался с посетителями, памятуя, что не публика для него, а он для публики» [8,С.2].

Челябинцы в 1911 году через газету «Голос Приуралья» предлагали устроителям досуга на острове реки Миасс сделать вход для школьников бесплатным. Но при условии, если учащиеся будут приходить сюда в форме своего училища» [9,С.3]. Что же касалось оплаты входных билетов, то эта проблема время от времени становилась предметом обсуждения органов местного самоуправления. На Урале в одних городах обыватели платили за вход в общественные сады и парки. В других вход был бесплатным. Например, в 1884 году в Екатеринбургском городском саду плата за гулянья взималась с населения не более трех раз в неделю [1,С.52]. В Челябинске с момента открытия сада общественного собрания (1906г.) до марта 1913 г. вход в него был бесплатным. Но в феврале 1913 г. Совет старшин сада внес в городскую думу заявление с просьбой установить в городском саду плату за вход в размере 5 копеек. Полагалось, что плата ни для кого не будет обременительной. При этом Совет старшин считал, что «платный вход даст возможность оградить сад от нежелательного элемента, который нарушает общественную благопристойность» [10,С.3].

Вопрос приобрел общественное звучание, его обсуждала городская дума на одном из своих заседаний. Проблема вызвала долгие продолжительные прения. Против взимания платы за вход выступил гласный думы И.А. Пентегов. Он считал, что с введением платы бедному населению Челябинска «негде будет отдохнуть после дневной работы и занятий». В начале его поддержал другой гласный П.Ф. Туркин, но потом он перешел на сторону тех, кто выступал за введение платы.

Гласный В.П. Макаровский подчеркнул, что взамен платы за вход общественное собрание обещало обязать директора синематографа демонстрировать в саду кинокартины. Было решено один раз в неделю (воскресенье) вход в сад сделать платным. А попытка еще и в праздни-

ные дни установить бесплатный вход не была поддержана думцами [11,С.3]. Еще дороже, чем в Челябинске, была стоимость билетов в сады и парки в других городах Урала. Например, в 1911 году в Кунгурском Мининском парке, где имелись к услугам отдыхающей публики летний театр, гастролирующая труппа драматических артистов, оркестр и др., стоимость за вход составляла 15 копеек [18,С.82].

Таким образом, в исследуемый период в повседневной жизни населения Урала досуг играл все возрастающую роль. В те годы в складывающейся досуговой системе особое место отводилось садам, паркам и скверам, бульварам, набережным, где весной и летом любили отдыхать горожане. Со временем прогулки «или сочетаться с просмотром театрально-концертных, музыкально - хоровых и цирковых выступлений, просмотром кинофильмов. Досуг в этих массовых культурно-развлекательных местах стал лучше организовываться. За этим внимательно следила местная пресса, сами отдыхающие, администрация садов и парков. Стало обычным явлением, когда здесь общественные организации устраивали благотворительные народные гуляния с массово-зрелищными и культурно-развлекательными мероприятиями. Для уральцев эти центры летнего проведения свободного времени стали любимы, а отдых здесь становился все также продуманным. Сады и парки посещало уральское население, не имевшее возможности выезжать отдыхать на дачи, Крым и за границу.

Список источников

1. Артёмова О.Е. Организация досуга горожан Пермской губернии во второй половине XIX века// Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Материалы V регион, науч. конференции, декабрь 2002 .Екатеринбург. 2003.397с.
2. Белдыцкий Н. Старая Пермь. Пермь: Архангельская губернская типография. 1913. 35 с.
3. Голос Приуралья. 1907. № 175.
4. Голос Приуралья.1907. № 176.
5. Голос Приуралья. 1908. № 155
6. Голос Приуралья.1911.№ 177.
7. Голос Приуралья.1909. № 116.

8. Голос Приуралья.1907. №87
9. Голос Приуралья.1911.№105
- 10.Голос Приуралья.1913. №44.
- 11.Голос Приуралья.1913. №49.
- 12.Голос Приуралья.1913. №178.
- 13.Екатеринбургская неделя. 1886. №19.
- 14.Екатеринбургская неделя. 1886. №39.
- 15.Екатеринбургская неделя. 1894. №21.
- 16.История Уфы. Краткий очерк. Уфа: Башк. кн. изд-во. 1976. 600с.
- 17.Меньшиков Ф.Р. Страницы театрального прошлого Челябинска// Первые Уральские «Брюковские чтения» доклады и сообщения. Челябинск. 1974. 113с.
- 18.Миненко Н.А., Апкаримова ЕЮ., Голикова СВ. Повседневная жизнь уральских городов в XVII - начале XX в. М.: Наука 2006.384 с.
- 19.Приуралье. 1909. № 180.
- 20.Приуралье.1909. № 152.
- 21.Приуралье .1909.№187.
- 22.Спешилова Е. Старая Пермь: Дома. Улицы. Люди. 1723-1917. Пермь: Курсив.1990. 580с.
- 23.Яхно О.Н. Общественные развлечения в Екатеринбурге начале XX века // Четвертые Татищевские чтения. Тезисы докладов и сообщений. Екатеринбург 18-19 апреля 2002г. Екатеринбург. 2002. 316с.

3. Музеи в досуговой системе уральского населения

К концу XIX — началу XX в. на Урале в основном сложилась досуговая система, которая стала играть заметную роль в повседневной жизни населения. В ее структуре (познавательно-просветительское направление) наряду с библиотеками, народными чтениями и религиозно-нравственными беседами, лекциями, выставками, экскурсиями, воскресными школами для взрослых, народными домами и народными университетами нашли свою нишу и музеи. Первые музеи на Урале возникли еще в конце XVII — начале XVIII в. Создавались они как хранилища исторических и художественных ценностей, собранные в часовнях, соборах и монастырях в Верхотурье, Усолье и других регионах Урала. Музеи формировались и как частные коллекции Строгановых, Демидовых и Татищева [1]. Но владельцы этих музеев не ставили себе цели знакомить широкие слои уральского населения с имеющимися у них коллекциями и экспонатами. Вместе с тем в первой половине XIX в. на Урале создавались музеи, двери которых были широко открыты и для местного населения. Так, в 1825 г. при активном участии златоустовского инженера-металлурга П. П. Аносова при Арсенале был открыт музей горного округа, где экспонировались образцы продукции завода, минералов и горных пород. В 1853 г. Златоустовский музей пополнился за счет экспонатов Миасского музея [2]. В 1831 г. по инициативе оренбургского губернатора П. П. Сухтелена при Неплюевском военном училище создается естественно-исторический музей. В 1833 г. он передается в собственность края, а позднее (1845) произошло его объединение с зоологическим музеем, который был создан в 1839 г. В. И. Далем [3]. Созданное в Екатеринбурге Горное общество в 1834 г. открывает «музеум», ставший уже к концу 1836 г. одним из богатейших минералогических собраний мира [4]. В 1840 г. возник музей при Нижне-Тагильском заводе (Пермская губерния) [5]. Наш анализ научных публикаций, архивных материалов позволяет сделать вывод о том, что 1850-е гг. вполне можно назвать «десятилетием затишья» в деле открытия новых музеев на Урале. Но с 60-х гг. картина начинает меняться к лучшему. Появляются новые типы музеев. Организаторами музейного дела стали выступать органы местного самоуправления, статистические ко-

митеты, губернские архивные ученые комиссии, Уральское общество любителей естествознания (УОЛЕ), отделения Русского технического общества и др. В 1863 г. «Вятские губернские ведомости» (№ 20) поместили заметку «Сельскохозяйственный музей при Козаковском волостном правлении». Автором публикации был житель данной волости Д. Л. Сенников. Он поведал, как сельское общество в 1862 г. решило создать «музеум» при училище, а волостное правление поддержало эту идею. В течение 30 и 31 мая сельчане собрали 27 рублей 40 копеек. Деньги пошли на приобретение шкафа для коллекций и первых образцов музейных предметов. А в июне 257 1862 г. волостное правление по предложению автора газетной статьи обратилось в Императорское Российское экономическое общество «с просьбой о помощи в устройстве» сельскохозяйственного музея. Экономическое общество откликнулось на просьбу крестьян Вятской губернии и выслало для их музея «американскую сеялку, кольцо с крючком для укрощения быков, два микроскопа для рассматривания семян». А почетный председатель экономического общества Великий князь Николай Николаевич (старший) соизволил пожертвовать Козаковскому волостному правлению следующие предметы: «хлебные голландские весы, ленту Домбала для измерения животных, микроскоп, компас, готовальню и др.» В заключении статьи автор писал, что «музеум... будет служить с пользой для крестьян волости и питомцев училища»[6]. В 1864 г. статистический комитет основал в Уфе губернский краеведческий музей. Но для широкой публики он был открыт лишь в 1886 г. в одном из зданий на ВерхнеТорговой площади [7]. В нем было девять отделов: сельскохозяйственный, лесной, горнозаводской, минералогический, археологический, палеонтологический, энтомологический, зоологический и исторический. Вход в музей для посетителей был бесплатным. 22 января 1866 г. в Вятке состоялось «торжественное открытие публичного музея». На нем присутствовало около 200 чел. Среди них были вятский епископ Агафон, начальник губернии граф Орлов-Денисов, помощник попечителя Казанского учебного округа Николич и др. «Учредитель музея П. В. Алабин в своем выступлении изложил историю возникновения музея, рассказал о тех средствах, на которые он был образован». 6 марта 1872 г. при Вятском публичном му-

зее открылась мастерская гипсовых изделий, а при ней — бесплатная школа рисования [8]. В 1874 г. Алабинский музей был продан земству за 3 тыс. рублей с целью создания из него кабинета наглядных пособий в училище для распространения сельскохозяйственных и технических знаний и подготовки учителей [9]. По нашему мнению, это была неудачная попытка перепрофилировать музей, он перестал существовать как единое целое. Вице-губернатор Ф. Н. Домелунксен, будучи его попечителем, потребовал от дирекции училища наладить работу музея, особенно в воскресные и праздничные дни. Организовать деятельность музея удалось лишь к 1897 г., когда он стал полностью земским учреждением. Музей работал по воскресениям с 12 до 15 часов. Вход был бесплатным. С 1889 по 1900 г. ежегодно его посещали от 2 до 5 тыс. человек, в основном горожане (свыше 40 %), а также учащиеся и крестьяне. В музее было три отдела: естественно-исторический, промышленный и археологический. В первом отделе посетители знакомились с образцами минералов, горных пород, окаменелостей, с гербариями, чучелами птиц, скелетами животных, коллекциями насекомых, гнездами птиц и яйцами. Промышленный отдел музея демонстрировал посетителям модели земледельческих орудий и машин, образцы почв, семена, предметы скотоводства, рыболовства и пчеловодства, изделия из дерева, стеклянную и фаянсовую посуду, предметы кожевенного производства. Особый интерес у зрителей вызывали экспонаты археологического отдела. Там были представлены орудия каменного и бронзового веков, кости мамонта, череп ископаемого носорога и довольно богатая нумизматическая коллекция. Здесь же были чугунные пищали XV–XVIII вв., палаш времен Петра I, секира, фрагмент кольчуги, каменные ядра, древние луки, старинные рукописи и книги, расшитые шелком кафтан и камзол, пожалованные Екатериной II вятскому купцу, старинные кошельки, шитые серебром. Экспонаты музея успешно демонстрировались на археологических выставках в Ярославле (1888) и Москве (1892)[10]. В 1870 г. в Екатеринбурге было создано УОЛЕ, а через год (1871) при нем был основан краеведческий музей [11]. Но его экспонаты были доступны небольшому кругу людей, в основном членам УОЛЕ. Однако была еще одна причина, почему музей в течение десяти лет не

открывался для посетителей. Вот что писала «Екатеринбургская неделя» в 1888 г.: «Предметы и даже целые коллекции... были в печальном состоянии, представляя из себя лишь склад спутанных коллекций и разбросанных предметов, из которых многие еще неизвестно куда утрачивались. И только благодаря вступлению на должность препаратора г. Геккель... музей быстро принимает вид научно-образовательного учреждения, столь желанного и столь редкого в провинции» [12]. Геккель совершает ряд экспедиций по Приуралью, пополняя коллекции зверей, птиц, яиц и гнезд. Благодаря ему все экспонаты и коллекции музея были систематизированы и размещены по отделам. Так, в палеонтологическом отделе имелось 2097 предметов, в том числе весьма редких — скелет исполинского доисторического оленя, довольно полная коллекция окаменелостей. Зоологический отдел имел 7054 предмета, среди них 563 экземпляра пресмыкающихся, 4422 — насекомых, 42 — рогов и черепов, 7 скелетов млекопитающих и птиц и др. В отделе минералогии и геологии было собрано 1964 экспоната, в том числе богатые коллекции горных пород из разных регионов Урала и Сибири, слепки самородков золота, геологические карты и фотографические виды. Отдел ботаники располагал 277 предметами. В отделе антропологии, этнографии и археологии насчитывалось 1652 предмета. Всего же музей имел 13 054 экспоната. 8 января 1889 г. музей открылся для широкой публики, но современники считали, что это «научно-образовательное учреждение не отличается общедоступностью», так как входной билет стоил дорого — 20 копеек. Но за одно посещение музея посетители не могли осмотреть всю экспозицию. А прийти еще один-два раза, заплатив 20–40 коп. для городских и сельских обывателей было весьма накладно. Предлагалось уменьшить плату за вход, по крайней мере, до 10 коп. «для простого народа»[13]. УОЛЕ в начале 1890-х гг. приняло активное участие в открытии Пермского промышленного музея, предав ему экспонаты, которые были получены им после окончания Сибирско-Уральской научно-промышленной выставки (1887). Другое научное учреждение — Пермская ученая архивная комиссия — передала музею собрание археологических находок, приобретала музею предметы старины. Известный пермский доктор П. Н. Серебренников пожертвовал музею свою кол-

лекцию. А в 1897 г. А. С. Любимова, мать крупного пермского предпринимателя, отдала под музей двухэтажный кирпичный дом. Пермский промышленный музей, как и многие другие музеи Урала, принимал участие в народных чтениях и лекционной пропаганде. Эта его просветительская деятельность началась осенью 1900 г. Горожане слушали лекции в зале музея, который был хорошо оформлен. На стенах висели портреты людей науки и выдающихся деятелей Пермского края, картины художников-пермяков. У посетителей музея большим вниманием пользовались лекции по истории искусства, которые читал преподаватель Пермского реального училища Г. А. Орлов, лекции профессора Варшавского университета В. П. Амалицкого об открытых им на севере России гигантских ископаемых животных, доклады С. Н. Стемпневского о рентгеновских лучах, сообщение П. А. Голубева о 200-летию горнозаводской промышленности в России и на Урале, лекции известного педагога П. Ф. Каптерева о роли внушения в деле воспитания. Был случай, когда музейный зал не смог вместить всех желающих послушать лекцию Каптерева, поэтому лектору пришлось проводить ее во дворе музея. Каждую лекцию в пермском техническом музее в среднем посещали 100–200 человек [14]. По воскресеньям в музее проводились опыты по физике, химии и физиологии для учащихся начальной школы, устраивались курсы по изготовлению чучел птиц и зверей, пчеловодству. На последние съезжались крестьяне из окрестных деревень. За первые семь лет существования музея его мероприятия посетили 75 489 человек [15]. Пермский технический музей в огромном количестве распространял по губернии разного рода брошюры, листки, рисунки и плакаты по гигиене, сельскому хозяйству, огородничеству и травосеянию, практиковал бесплатную раздачу семян. В музее находилось много картограмм и диаграмм для изучения многих сторон русской повседневной жизни и особенно Пермского края в сравнении с другими государствами. Музей подготовил четыре выпуска «Материалов по изучению Пермского края». Еще одно научное общество — Пермское отделение Российского технического общества, открывшееся в 1891 г., — также принимало активное участие в создании музеев и в первую очередь промышленных и горнотехнических. В их числе был крупный и богатый на экспонаты му-

зей Добрянского металлургического завода. В 1897 г. Оренбургская архивная ученая комиссия взяла в свое ведение Оренбургский музей, созданный в 1840-е гг. Но долгое время он «влачил жалкое существование, переходя из рук в руки, из здания в здание»[16]. И только с этого времени музей, приведя в порядок 6 тыс. экспонатов, представил их оренбуржцам. В конце XIX — начале XX в. на Урале продолжали открываться новые музеи. Инициаторами их создания были земства. К 1914 г. в Вятской губернии были открыты краеведческие, естественно-этнографические музеи в Сарапуле, Слободском, Яранске. В Пермской губернии за этот же период времени музеи были созданы в Осе, Шадринске, Оханске, Красноуфимске. В 1899 г. был основан Чердынский краеведческий музей. Инициатором его создания выступил председатель Чердынской земской управы Д. А. Удинцев. Музей размещался в здании уездной управы. В начале XX в. музеи были не только в губернских, уездных городах и заводских поселках Урала, но и в крупных селах. Наиболее известными сельскими музеями были Кукарский (Вятская губерния) и Першинский (Пермская губерния). Музей в селе Першинском был создан В. П. Бирюковым, известным на Урале ученым-краеведом, писателем и общественным деятелем. Сбор экспонатов он начал будучи еще студентом Казанского ветеринарного института. Во время летних каникул он приезжал в родное село и занимался с друзьями палеонтологическими раскопками. В течение 1909 и 1910 гг. они произвели ряд удачных раскопок, в результате которых из береговых обрывов р. Теча и Исеть извлекли останки вымерших животных: носорога, мамонта и др. Сначала кости хранились Бирюковым во дворе отцовского дома (их было так много, что соседи называли эту коллекцию «скотским могильником»). Первую выставку В. П. Бирюков оформил тут же, в сарае. Помимо палеонтологических находок он выставил свою коллекцию птиц, образцы пресмыкающихся и гербарии [17]. 1 июля 1910 г. в с. Першинском был открыт музей в «Южной келье», которая находилась на территории церкви, в 12–14 шагах от входа в храм. Экспонаты лежали на лавках, и только коллекция старых монет находилась в стеклянной витрине. Першинцы ворчали, что «Бирюков гадину скоро в церковь затащит». Но вскоре селяне после церковной службы стали

заходить в музей. При этом если мужчины и молодежь охотно шли в музей, то большинство женщин его не посещали[18]. Позже естественно-историческую коллекцию решено было пополнить сельскохозяйственными экспонатами: образцами сортов хлеба, моделями сельскохозяйственных машин, плакатами и картинами по сельскому хозяйству. Пермское губернское земство, поддержав эту идею, выделило першинскому сельскому обществу 25 рублей. В 1890-е гг. музеи стали создаваться и при сельских школах. Их открывали губернские и уездные земства Урала. Так, только в течение 1894/95 учебного года в Уфимской губернии на средства губернского земства было создано 22 школьных музея «в многолюдных селах». Кроме этого земство обещало оказать материальную помощь еще 12 музеям, которые будут открываться в следующем учебном году. Школьные музейные собрания составлялись из всего, что могло оказаться полезным при сообщении учащимся сведений о природе, промышленности, торговле и быте различных народностей, а также того, что может побудить школьников к наблюдению за окружающим миром и образованию представлений из близких к сельской жизни областей знаний[19]. Помимо школьных музеев, которые способствовали улучшению учебно-воспитательного процесса среди учащейся молодежи, на Урале были музеи, связанные с народным просвещением. Они назывались музеями наглядных пособий. На Урале они в большом количестве стали создаваться в начале XX в. Так, в Уфимской губернии в 1910-е гг. во всех шести уездах работали музеи наглядных пособий. На их содержание только в 260 История музеев — история в музее 1913 г. Уфимское губернское земское собрание выделило 2010 р. Имелись такие музеи и в Пермской губернии. Например, в Екатеринбургском уезде к 1914 г. в 29 селениях существовали районные подвижные музеи наглядных пособий. Их целью было предоставление пособий школам, выдача волшебных фонарей и световых картин для народных чтений. Всего в музеях уездах имелось 79 волшебных фонарей и 7637 световых картин. Данные музеи получали от уездного земства по 200 рублей единовременного пособия[20]. В Оренбургской губернии в отсутствие до 1913 г. земств создание музеев наглядных пособий взяло на себя Общество попечения о начальном образовании. Так, в

1902 г. член этого общества инспектор народных училищ М. М. Данилов поднял вопрос о создании передвижного музея наглядных пособий в Челябинске. Но смерть не позволила ему осуществить задуманное. Долгое время данный вопрос не поднимался. Но в феврале 1908 г. на одном из собраний учитель Первого мужского начального училища В. И. Балакин предложил организовать музей наглядных пособий. Общество попечения о начальном образовании поддержало это предложение. Начался сбор сведений о наглядных пособиях, имеющихся в училищах города. Общество командировало своего представителя в Петербург и Москву, ему было поручено изучить опыт работы столичных подвижных музеев и определить лучшие пособия для училищ[21]. К началу 1909/10 учебного года весь необходимый материал был собран, и музей начал свою работу. Его ближайшими задачами были: открытие библиотеки, обслуживание школьных учителей уезда, проведение научно-популярных бесед об имеющихся коллекциях. Музей содержался за счет Общества попечения о начальном образовании: например, в 1909 г. оно ассигновало музею 100 рублей. Источниками финансирования музея были и различные платные мероприятия. Так, в 1908–1909 гг. в пользу музея любительскими творческими коллективами Челябинска был устроен один концерт и три спектакля[22]. Источником пополнения музейных экспонатов были пожертвования. К своему открытию музей получил минералогическую коллекцию, три стереоскопа и стереоскопические картины. Музей работал по вторникам и пятницам с 16 до 18 часов. Пособия выдавались только бесплатно и только училищам. Первоначально музей располагался в тесном помещении здания Первого мужского начального училища. Затем переехал в частный дом С. Г. Алексёнова. По договоренности с Комитетом народной трезвости музей с 1910 г. разместился в помещении детской библиотеки, расположенной в Народном доме. Посетители библиотеки могли пользоваться экспонатами постоянной выставки музея [23]. Правление музея считало обязательным привлечение детей к работе в музее. Например, ученицы Первой начальной школы вырезали для музейных экспозиций картины из иллюстрированных журналов. Все собранные учебные пособия, картины, фотографии и коллекции музея были распределены по отделам: ана-

томия человека (5 картин), зоология (35), ботаника (35), география и этнография (41), русский язык (20). Отдел физики и химии располагал небольшим кабинетом, включавшим 50 пособий, при помощи которых проводилось до ста несложных опытов. Имелись микроскоп и телеграфный аппарат. Позже (не к открытию) в музее были оборудованы отделы истории и технический. В первые месяцы работы музея было выдано 241 пособие [24]. В Челябинске был еще один музей наглядных пособий. Существовал он при торговой школе, открытой в 1909 г. для подготовки конторских служащих и приказчиков. В соответствии с уставом в школе имелся товарный музей[25]. Он пополнялся разными способами, но основным источником расширения коллекций были экскурсии, во время которых учащиеся по договоренности с владельцами предприятий могли отбирать образцы изделий для своего музея. За 1912–1913 гг. во время таких экскурсий были отобраны образцы изделий кирпичного производства с челябинского завода Н. И. Домашенко, изразцового и кафельного — с челябинского завода В. В. Лоренсова, медеплавильного — 261 А. Е. Перебейнос. Музеи в досуговой системе уральского населения... с Кыштымских заводов, чугуноплавильного и железоделательного — с Кувшинского и Чусовского заводов, солеваренного — с Дедюхинского завода И. П. Валесона и др. Учащиеся торговой школы выезжали на экскурсии и за пределы Уральского региона, откуда также привозили экспонаты для музея. Среди них образцы бумаги Невской писчебумажной фабрики, нефтепродукты товарищества «Братья Нобели», образцы изделий масляного завода «Астра» в Петербурге[26]. Таким образом, на Урале в исследуемый нами период была создана музейная сеть. В нее входили музеи разных видов: краеведческие, естественно-исторические, научно-промышленные, кустарные, заводские, школьные, промышленные, наглядных пособий и т. п. Музеи способствовали не только развитию внешкольного образования, но и разумному времяпрепровождению, отвлекая население от вредных привычек и в первую очередь от пьянства.

Список источников

1. Трошина Т. М., Тагильцева Н. Н. Музейное дело на Урале // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 2000. С. 349.

2. Ванина Н. Г. и др. Златоуст // Челябинская область : энциклопедия. Т. 2. Челябинск : Каменный пояс, 2008. С. 452.
3. Сафронов Д. Л. Оренбургский областной краеведческий музей // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 2000. С. 389.
4. История Урала с древнейших времен до 1861 г. М., 1989. С. 470.
5. Трошина Т. М., Тагильцева Н. Н. Указ. соч. С. 349.
6. Вятская хроника за последние 25 лет. 1855–1880. По Вятским губернским ведомостям. Вятка, 1880. С. 36–37.
7. История Уфы : крат. очерк. Уфа, 1976. С. 124.
8. Вятская хроника за последние 25 лет. С. 190.
9. Рушанин В. Я., Юсупов М. Р. Внешкольное образование на Урале (вторая половина XIX — начало XX в.) : монография. Челябинск, 2011. С. 285–286.
10. Там же. С. 286.
11. История Урала в период капитализма. М. : Наука, 1990. С. 204.
12. Екатеринбургская неделя. 1888. № 5. С. 107.
13. Там же. 1894. № 1. С. 11–12.
14. История Урала... С. 381.
15. Алеврас Н. Н. и др. История Урала. XIX в.— 1914 г. : учеб. пособие. Челябинск, 2007. С. 426.
16. Васильева Г. А. Развитие местного самоуправления в городах Южного Урала во второй половине XIX в. : дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2004. С. 167.
17. Бирюков М. П. О первых сельскохозяйственных музеях Зауралья // Тезисы докладов и сообщений Вторых Уральских Бирюковских чтений. Челябинск, 1974. С. 96–97.
18. Там же. С. 98.
19. Екатеринбургская неделя. 1895. № 4. С. 88.
20. Рушанин В. Я. Указ. соч. С. 296, 299.
21. Ваганов А. А. Первые музеи Челябинска // Молодежь в науке и культуре XXI в. : материалы междунар. науч.-творч. форума. Челябинск, 2–3 нояб. 2011 г. Ч. 1. Челябинск, 2011. С. 241–242.
22. Там же. С. 243.
23. Романов П. А. Музей наглядных пособий (начало XX в.) // Челябинск : энциклопедия. Челябинск, 2001. С. 546.

24 Голос Приуралья. 1910. № 238. С. 3.

25 Боже В. С. Музей краеведческий // Челябинск... С. 546.

26 Ваганов А. А. Указ. соч. С. 243.

4. Семейно-брачные отношения в жизни уральского православного населения в 80-е годы XIX в.

Вопрос формирования семейно-брачных отношений уже много веков является актуальной проблемой общества. В конце XIX-начале XX вв. наблюдаются особенности становления семейных отношений среди Уральского населения.

Распространенные в то время народные чтения, спектакли и различного рода увеселения, религиозные праздники, на наш взгляд, служили не только повышению уровня культуры и восстановлению физических и психических сил после тяжелой производственной деятельности. Для молодых уральцев они выполняли еще и коммуникативную функцию. На них молодые люди знакомились друг с другом. Нередко такие знакомства приводили к созданию семьи.

Брачные отношения занимали особое место в семейно-бытовой сфере жизни. Возраст для вступления в брак для девушек был 16-18 лет, для юношей - 18 лет. Женились на Урале рано.

Об этом говорит значительное число преждевременных (до 20 лет) браков. В Оренбурге за 1874-1883 годы на их долю пришлось 57% бракосочетаний [1, с. 67].

Особенно это касалось девушек, которые создавали семью гораздо раньше, чем мужчины. По нашим подсчетам, в 1897 году на Урале в возрасте 17-19 лет состояло в браке девушек в 2,9 раза больше, чем юношей [2, с. 28]: Мужская молодежь Урала создавала семью в более зрелом возрасте. Поэтому, когда речь идет о ранних браках (20-25 лет), положение меняется. В Екатеринбурге за 1883-1891 годы количество юношей, вступивших в брак от 20 до 25 лет, по сравнению с предыдущей возрастной группой (до 20 лет) выросло на 23,8%, составив 34,2% от общего числа. Число девушек наоборот сократилось на 16,3% и стало равняться 30,9% от всех женщин, создавших семью [3, с. 842]

Такие тенденции сохранялись на Урале и в начале второго десятилетия XX века. О чем свидетельствуют данные таблицы [4, с. 808-824].

Таблица 1.

Возрастной состав молодежи, вступившей в брак
в Оренбургской и Уфимской губерниях 1913-1914 годов

Губернии	вступило в брак в % от общего числа					
	преждевременно (до 20 лет)			рано (20 - 25 лет)		
	м.п.	ж.п.	об.п.	м.п.	ж.п.	об.п.
Оренбургская	48,9	76,7	62,7	25,7	12,0	18,8
Уфимская	27,4	67,4	47,4	39,6	18,6	20,8
Итого в среднем	38,1	72,0	55,0	32,6	15,3	19,8

Из данных таблицы видно, что более половины молодых людей вступало в брак, не достигнув 20 лет. Причем девушек, создававших семью в том возрасте, больше (72,0%), чем мужчин (38,1%). Положение менялось в следующей возрастной группе (20-25 лет), где мужчины вступали в брак чаще (32,6%), чем женщины (15,3%). Это можно объяснить тем, что обычно жених на 2-3 года был старше невесты. Если же юноша женился после армии, то разница достигала 6-8 лет. Подобное положение характерно как для городской, так и для сельской молодежи.

У молодежи стремление к раннему созданию семьи, на наш взгляд, модно объяснить рядом объективных причин. Во-первых, это было обусловлено небольшой продолжительностью жизни, в результате чего возникала необходимость прохождения основных этапов социализации, в том числе создание семьи, в более молодом возрасте. Этим объясняется достаточно высокий уровень брачности среди молодежи России, особенно женской. Так, в 1897 году 75,9% девушек в возрасте от 20 до 29 лет имели семью. На Урале, по нашим данным, этот показатель был еще выше - 81,4%. [5].

Во-вторых, на рубеже веков в России и на Урале в сфере брачно-семейных отношений огромную роль еще играли устои традиционного аграрного общества. основополагающим было убеждение, что нормальное состояние человека - быть отцом или матерью семейства. Все остальные состояния считались ущербными, горестными, а то и просто позорными. В связи с этим на рубеже второго-третьего десятка лет жиз-

ни перед девушкой стояла реальная перспектива перехода из категории молодежи в категорию старых дев. Это подтверждают исследования В. Ю. Крупянской, Н.С.Полищук. Авторы пишут, что девушка после 20 лет с трудом могла рассчитывать на брак со сверстником, так как они считались для них «перестарками». Поэтому они нередко выходили замуж за вдовцов. Как тогда говорили, «выходили на детей» [6,с.74].

Такая же проблема вставала перед парнем, которого все чаще начинали называть холостяком (в давние времена этим термином называли кастрированное животное), а затем переводили в разряд бобылей. Ущербность одиночки в глазах общественного мнения не вызывала сомнений. Это служило, по нашему мнению, одним из самых сильных моральных стимулов к скорейшему вступлению в брак для большинства молодых людей.

В-третьих, наличие значительного числа ранних и преждевременных браков можно объяснить стремлением обеспечить семью лишними рабочими руками. Особенно это было характерно для Уфимской и Оренбургской губерний. Здесь помимо заработков на производстве существовали благоприятные климатические условия для получения хороших урожаев с надела. Поэтому брак тут нередко являлся средством для приобретения даровой рабочей силы.

В-четвертых, причиной раннего вступления в брак служит и тот факт, что уже к 19-20 годам молодые люди становились кадровыми рабочими. Большинство исследователей относят к кадровым рабочим тех, кто отработал на производстве не менее 5 лет[7,с.132-133]. Юноша на Урале к 19-20 годам в среднем имел производственный стаж - 6-7 лет.

Именно в этом возрасте они имели одинаковую со взрослыми квалификацию, заработную плату и продуктовое довольствие. Это им позволяло наравне со старшими заводить и содержать семью.

Из анализа периодической печати тех лет и этнографической литературы мы наблюдаем некоторую «сезонность» в заключении браков. Больше всего их заключалось в ноябре, январе, феврале. Гораздо меньше свадеб игралось в летний период. Это связано с календарем сельских работ. А небольшое количество браков в марте и декабре объяснялось большим количеством постов.

Подход к выбору кандидаток в жены в ряде районов Урала был весьма своеобразным. Особенно ярко это проявлялось у пермяцкого населения. Целомудрие невесты не имело для них никакого значения. Молодые пермяки охотно женились на явно беременным девушкам. Распространена была женитьба и на пермянках, имеющих взрослых детей или мирношей (т.е. дитя рожденное от мира). Это часто объяснялось желанием иметь как можно раньше полноценного помощника (борноволока) [8,с.19].

То есть сомнительное прошлое невесты не служило препятствием для выхода замуж. Несколько иначе обстояло дело среди русского населения, где гораздо больше внимания уделялось репутации невестинной семьи, поведению девушки, ее нравственным устоям. Как тогда говорили: «Хоть и так-то девка не плоха, а по породе-то и вовсе не похаеть». Однако основным достоинством или недостатком избранницы был все же размер ее приданного.

«Брак у русских лишь иногда устраивается по взаимной склонности молодых людей, но чаще всего он происходит по расчету и представляет собой простую сделку между той и другой стороной» [10,с.233]. Иногда такой расчет доходил до мелочей. В качестве примера можно привести такой факт. В Чермозском заводе парень сватался к двум девушкам одновременно и женился на той, которая постарше. Причиной такого выбора стало наличие у нее швейной машинки стоимостью в 14 рублей [11,с.46]

В конце XIX - начале XX века «ввиду страшного франтовства заводской молодежи» практиковались пьяные и разгульные свадьбы, требовавшие больших денег и долгов. Нередко обе стороны входили в непосильные долги, которые оплачивались местными кулаками, под высокие проценты. Как тогда говорили: «невесту замуж отдать, надо дом продать» [11,с.45].

Эта пословица недалеко от истины. Мастеровой, зарабатывавший от 20 до 25 рублей в месяц, чтобы произвести впечатление на окружающих, устраивал свадьбу в 200 рублей. Когда же дни торжеств миновали, кредиторы начинали вычитать из жалованья сумму долга. Поэтому с

первых же дней молодые начинали «приучать свои желудки к бражке с черным хлебом, а во сне видеть кошмарные сны про долги» [12,с.45].

Чтобы избежать таких расходов, на Урале практиковались браки «убегом» или «уволоком». Т.е. молодые сбегали и венчались тайно. В большинстве случаев это делалось по договоренности с родителями. Они для посторонних делали вид, что невесту похитили, а сами в действительности оказывали содействие по устройству брака. Часто не только сами припасали коней для похищения, но и отвозили брачующихся в церковь. Гак называемые «самокрутные» свадьбы практиковались и в среде инородческого населения регионов [13,с.18].

«Умыкание» невест имело место и в тех случаях, когда не было надежды получить родительское благословение. Это тоже имело место, т.к. практика заключения брака по воле родителей имела широкое распространение вплоть до XX столетия.

Вместе с тем, в этот период все отчетливее набирает силу тенденция, когда молодые семьи создавались на основе взаимных симпатий. Особенно это характерно было для юношей и девушек, выходцев из рабочих семей.

На пути создания семьи молодежь сталкивалась не только с материальными, но и с трудностями вероисповедального характера. По нашему мнению, это было связано, с одной стороны, с наличием в крае значительного количества старообрядческого населения из Тулы. Они, например, упрекали переселенцев с Украины в отсутствии «твердых семейных устоев и в их разлагающем влиянии на местную молодежь». Поэтому они всячески препятствовали сближению молодых людей «не по вере». В этой связи нам кажется интересным случай, описанный в этнографическом исследовании В.Ю. Крупянской и Н.С. Полищуком - «сын рабочий 19 лет женился на единоверке, и та уговорила его принять единоверие и венчаться в церкви. Мать жениха(кержачка) знала об этом и в то время, когда происходило венчание, она пошла в хлев, упала лицом в навоз и так лежала, пока шел обряд. Такова была сила ее религиозной скорби [14,с.264-265]

Несколько по-иному проблема выбора стояла перед башкирской молодежью. Дело в том, что на рубеже веков среди инородцев повсе-

местно бытовала экзогамия. Т.е. парень не имел права брать себе девушку из своего рода или волости. Потому часто за невестами ездили за 100 верст [15,с.61].

К началу XX столетия, с бурным развитием капиталистических отношений, активным строительством железных дорог и благодаря новому притоку на Урал пришлого населения, в брачно-семейную сферу жизни молодых уральцев, как справедливо подметил большой знаток уральского быта Д.Н. Мамин-Сибиряк: «влилась широкая струя новых условий» [16,с.409].

Прежде всего, это связано с активным освоением молодежью элементов городской культуры. Следствием чего стала ломка областной замкнутости между различными этническими группами населения. Шла унификация культурных традиций и особенностей, бытовавших на малой родине переселенцев из Калужской, Орловской, Курской, Костромской, Тульской и других губерний. Характерным проявлением этого процесса был рост числа смешанных в вероисповедальческом и этническом отношениях браков. Кержаки (а кержаками на Урале называли выходцев из Керженской волости Нижегородской губернии, они по преимуществу были старообрядцами) все чаще рождались не только с близкими им по семейному укладу выходцами их южнорусской полосы (туляками), но и с хохлами. Башкирское население активно вступает в брак со своими соседями татарами и мищарами. По этому, к началу XX столетия, по нашему мнению, очень часто молодая рабочая семья представляла собой смешение областных, этнических и культурных элементов.

С 70-ых годов XX века в России начинаются изменения в структуре семьи. На смену большой (состоящей из 3-х поколений) крестьянской семье приходит малая (из 2-х поколений и относительно небольшим количеством детей) рабочая семья.

На Урале этот процесс имел место в изучаемый нами период. При этом у него была своя специфика. Среди населения фабричных поселков еще долго сохранялась традиция, по которой один из сыновей, как правило младший, создав свою семью, продолжал жить вместе с родителями. Т.е. под одной крышей нередко проживали три поколения. В

уральских семьях данное явление сохранялось до Первой мировой войны.

На Урале была еще одна особенность в семейно-брачных отношениях. Здесь количество рождений на один брак было выше, чем в целом по России. По нашим данным, в середине 70х - начале 80х годов в Оренбургской и Пермской губерниях количество рождений на один брак составляло соответственно 5,7 и 5,2 ребенка, тогда как в России - 4,7 [17,с.596].

Такая тенденция в уральских семьях сохранялась и в начале XX века. По нашим подсчетам в Уфимской и Оренбургской губерниях в последний предвоенный год на один брак приходилось в среднем около 5,3 рождений [18,с.796-801,808-823;19, с.3,46-49].

Несмотря на высокую детскую смертность в России, рабочие семьи в изучаемый нами период оставались многодетными. При этом четко прослеживается еще одна особенность. Число детей в уральских рабочих семьях было больше, чем в семьях Центральной России. По данным В.Ю. Крупянской, в Москве в 1897 году семьи из двух - четырех человек составляли 62%, в то время как в Нижнем Тагиле около 60% горняков имели от 3-х до 5 детей [20,с.274].

Такое же число детей было и в семьях и более крупных уральских городов.

Долгое сохранение на Урале больших семей было обусловлено рядом факторов. С одной стороны, во многих районах региона состав населения продолжительное время оставался постоянным(особенно это касается старообрядческих селений, находившихся на территории современной Курганской области), что способствовало консервации устоев бытовой культуры. С другой стороны, в большинстве своем молодые уральские рабочие находились в более комфортных жилищных условиях, чем их сверстники на юге России. Большинство уральцев проживали в своих домах и почти не сталкивались с «казарменно-каморочной» системой жилья, которая была широко распространена во многих регионах России.

В исследуемый нами период постепенно меняется положение молодежи в системе внутрисемейных отношений. Характерной чертой социально-

психологического облика молодого рабочего этого времени становится его эмансипация, стремление к самостоятельному решению жизненных проблем. Это было обусловлено повышением в целом уровня социальной активности молодежи того периода [21]. Особенно это касалось девушек, которые активно привлекались как на производство, так и в качестве прислуги в семье заводской администрации.

Нередко юноши и девушки наряду со старшими, а зачастую и вместо них становились кормильцами семей. Такое положение, с одной стороны, несомненно, повышало чувство солидарности между родственниками, создавало основу для более демократичного и равноправного строя семейных отношений.

С другой стороны, ситуация, при которой нарушались общинно-бытовые устои, меняла психологический облик рабочей молодежи, причем не всегда в лучшую сторону. В предыдущую эпоху каждая отдельная личность неразрывно была связана с семьей. А каждая семья жила в миру и была сильна этим миром. В конце XIX - начале XX веков связь поколений заметно ослабевает. Каждый подросток, устроившийся на работу и заработавший свои первые деньги, начинал чувствовать себя вполне самостоятельным, поступающим по собственному усмотрению. Нередко самостоятельность и взрослость молодые люди доказывали грубым и жестоким отношением к жене и детям. Избиение жены по самому ничтожному поводу не только не осуждалось, но даже считалось молодецеством и геройством. Так, в Сысертском заводе «муж 24 лет чуть не лишил жену 22 лет жизни топором, т.к. живет с ней не в ладу». Такого рода случаи были весьма частым явлением как на Урале, так и в России [22,с.3; 23, с.1025; 24,с.10]. Одной из распространенных причин такого поведения было пьянство. Это явление имело в стране и регионе глубокие социальные корни [25]. Оно подрывало семью не только экономически, но и морально.

Положение молодой жены в такой ситуации становилось особенно незавидным. Дело в том, что обряд венчания у православных считался священным, и развод был практически невозможен. Да и не каждая жена могла пойти на разрыв с мужем, ведь она рисковала остаться с малолетними детьми без средств к существованию. Резко отрицательно

жизнь в такой обстановке сказывалась и на воспитании детей. Они с ранних лет «слышали и видели много дурного: например, отцы, насколько не стесняясь, сквернословят при детях, ссорятся со своими семьями и соседями. Отсюда все безнравственное в пермяках, здесь корень всех пороков, которыми так резко отметил себя нравственный и духовный быт [26,с.120-121].

Обобщая вышесказанное, выделим общие тенденции: наблюдается увеличение ранних браков; стремление к созданию и сохранению семейно-брачных отношений, что объяснялось небольшой продолжительностью жизни, сохранением устоев традиционного общества, стремлением обеспечить семью лишними рабочими руками; материальная ориентированность брачных партнеров; тенденция уменьшения замкнутости между различными этническими группами населения при вступлении в брак;

рождение большого количества детей в семьях, сохранение больших семей (2-3 поколения); возрастание роли женщины в браке при условии становления ею кормильцем семьи, что являлось основой для равноправия семейных отношений, вместе с тем, сохранение грубого и жестокого отношения к ней со стороны супруга.

Список источников

1. Белавин К. Оренбург географическо-статистический очерк // Циркуляр по Оренбургскому учебному округу. 1891. №7. С. 67
2. Первая всеобщая перепись населения 1897 года. Т. 10. С. 28., Т. 28. С. 16, Т. 31. С. 34-35., Т. 65. С. 8-11.
3. Екатеринбургская неделя 1892. №44. С. 842
4. Хозяйственно-статистический обзор Уфимской губернии за 1913 год. Уфа. 1915. С. 808-824.
5. Первая всеобщая перепись населения 1897 года. Т. 10. С. 28, Т. 28. С. 16., Т. 31. С. 34-35., Т. 65. С. 8-11.
6. Крупянская В.Ю. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала (кон.ХVIII-нач .XX веков). М.1971.С.74
7. Иванов Н.А. Структура рабочего класса в России 1910-1914 гг. М.: 1987. С. 132-133.

8. Камасинский Я. Около Камы этнографические очерки и рассказы. М.: тип. И.Д. Сытина, 1905. С. 19.
9. Рогов Е. Материалы для описания быта пермяков. См. Пермский сборник(повременное издание). М,1860. С.70-71
- 10.Циркуляр по Оренбургскому учебному округу. 1912. №7-8. С. 233
- 11.Новокрещенных Н.Н. Чермозский завод, его прошлое, настоящее и летопись событий. СПб: Тип. Р.Голике, 1889. С. 46.
- 12.Пермская земская неделя. 1909. № 43. С.45
- 13.Невзоров А.С. Из быта села Птичьего Челябинского уезда Оренбургской губернии. Юрьев,1902. С.18
- 14.Руденко С.И. Башкиры: историко-этнографические очерки. М-Л: АН СССР.1955. С.264-265
- 15.Крупянская В.Ю., Полищук Н.С. Культура и быт рабочих горно-заводского Урала (кон. XVIII - нач. XX веков). М : Наука. 1971. – С. 61.
- 16.Мамин-Сибиряк Д.Н. Три конца .Свердловск: Средне-урал. кн. изд-во. 1969. С. 409.
- 17.Екатеринбургская неделя. 1891 . №27. С. 596
- 18.Хозяйственно статистический обзор Уфимской губернии за 1913 год. Уфа: тип. Земства. 1915. С. 796-801, 808-823.
- 19.Обзор заразных заболеваний в Оренбургской губернии, зарегистрированных по карточной системе. Оренбург: тип.губ. зем. упр., 1915. С. 3, 46-49.
- 20.Крупянская В.Ю. Эволюция семейно-бытового уклада рабочих / В.Ю. Крупянская // Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония. Сб. научных статей] - М.: Наука. 1970.– С. 274.
- 21.Перебейнос А.Е., Пташко Т.Г. Участие учащейся молодежи Урала в общественной, культурной и политической жизни во второй половине XIX – начале XX веков//Новый исторический вестник. 2018. №57. С.42–59.
- 22.ГАПО. Ф 276. Оп.2. Д. 10. Л. 85 об. 114. Урал. 1900 . №869.С 3
- 23.Екатеринбургская неделя 1890. № 46. С. 1025

24. Голговский А. Современный рабочий в физическом, нравственном отношении: причины, поддерживающие невысокий уровень его развития, и меры к поднятию его благосостояния // Всероссийский торгово-промышленный съезд 1896 г. в Нижнем Новгороде. Н. Новгород. 1896. т. 5, вып. 2. С. 10.
25. Пташко Т.Г. Перебейнос А.Е. Сравнительный историко-педагогический анализ путей решения проблемы профилактики алкоголизма среди молодежи в условиях образовательной среды (конец XIX и начало XXI веков) // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2017. № 7. С. 71-76.
26. Рогов, Е. Материалы для описания быта пермяков. См. Пермский сборник повременное издание. 1860. Кн.11. С. 120 – 121.

5. Участие учащейся молодежи в общественно-культурной жизни уральского региона во второй половине XIX-начале XX вв.

Реформы 60-х г. г. XIX в. в России создали благоприятную почву для общественно-полезной деятельности российской интеллигенции. Большую роль в этом процессе играла молодежь, учащиеся. Общественная активность учащихся средних учебных заведений наиболее ярко проявлялась в трудовой, культурной и общественно-политической деятельности, в художественном и техническом творчестве, в физкультуре и спорте.

Учащиеся средних учебных заведений активно участвовали в изучении и охране природы. На Урале с 1900-го года весной стали проходить праздники деревонасаждений. Только в 1902–1903 гг. в них приняли участие более 50 учебных заведений Оренбургской и более 10 Пермской губерний [1].

Вот как 24 апреля 1913 г. проходил такой праздник в г. Оренбурге: «Ранним утром около здания женской гимназии собрались девушки в костюмах, украшенных голубыми, синими, оранжевыми лентами, с изящными цветными сумочками через плечо. Затем они двинулись на площадь перед реальным училищем, где собрались питомцы мужской гимназии, прогимназии, реального училища и учительской школы. Все они были одеты в парадную форму образцовых рот с винтовками и каждая со своим знаменем. У городской Думы к ним присоединились учащиеся приходских училищ. Колонна, насчитывавшая до 10 тысяч человек, под звуки собственного и двух военных оркестров, двинулась на Николаевскую площадь. Там после молебна были посажены деревья. Это шествие по городу представляло настолько торжественную картину, что масса зрителей заняла все балконы и площадки домов по главной улице» [2].

С целью изучения природы, животного мира и птиц родного края стали проводиться специальные экскурсии. Например, в 1914 г. такая экскурсия по берегам Камы была организована для учеников 2-й Пермской мужской гимназии [3].

В связи с возросшим желанием многих учащихся лучше изучить жизнь животных и птиц Уральского региона при содействии общественности стали возникать «Майские союзы». Одним из первых на Урале было открыто Екатеринбургское отделение «Майского Союза» (1907 г.). «Пермская земская не-деля» отмечала, что «союзы эти имеют хорошее влияние на детей: они становятся мягче, отзывчивее, правдивее» [4].

В 1910 г. Пермский губернатор статский советник В.А. Лопухин утвердил устав этого общества. Одной из основных его задач было привлечение учащихся к сохранению животных и «пернатого царства». В музее Уральского общества любителей естествознания 17 марта 1913 г. под председательством инспектора народных училищ В.К. Попова состоялось первое заседание «Уральского майского союза», целью которого было «развитие в подрастающем поколении гуманного чувства ко всем живым существам, любви к природе и разумного отношения ко всем ее дарам. Его членами могли быть все учащиеся, получившие разрешение учебного начальства. Члены сообществ имели право ношения значка в виде ласточки» [5]. Эта общественная организация учащихся быстро становилась массовой. На ее счету было много интересных и полезных дел.

На рубеже XIX–XX вв. в российском обществе сформировалось понимание необходимости создания системы мер по профилактике и охране здоровья населения и, в первую очередь, молодежи. В решениях Первого общеземского съезда, состоявшегося в 1911 г. в Москве, отмечалось, что «в деле расширения и усиления забот об оздоровлении населения должна была принять на себя школа». Делать это предполагалось посредством воспитания в молодежи основ физической культуры [6].

Юноши и девушки учебных заведений Урала были не только объектом физического воспитания, но и активными участниками создания системы физической культуры, пропагандистами многих видов спорта. В 10-е гг. XX в. заметным явлением в общественной жизни становятся так называемые сокольские праздники учеников и учениц средних учебных заведений. В их программу входили гимнастические упражнения с булавами, лентами, мячами и палками. В 1911–1912 гг. такие праздники прошли в Екатеринбурге, Оренбурге, Уфе, Перми, Бирске, Кустанае. А

весной 1914 г. они были устроены в учебных заведениях Белебея, Кунгура, Осы, Чердыни, Челябинска. Как отмечали современники, «во всех названных городах праздники прошли с большим успехом. Масса лиц, присутствующих на этих праздниках: представители правительственных и общественных учреждений, педагогический персонал учебных заведений, учащиеся и их родители, свидетельствует о живом интересе общества к постановке дела физического воспитания молодежи» [7].

В 10-е г. г. XX в. на Урале по инициативе общественности стали создаваться общества физического развития учащихся, в которые входили и учащиеся старших классов средних учебных заведений. Эти общества играли заметную роль в организации и проведении спортивных соревнований по различным видам спорта. Так, в течение зимы 1912–1913 гг. при поддержке Общества физического развития учащихся Уфы в саду мужской гимназии силами учащихся был оборудован каток. На нем прошел хоккейный матч между командами гимназистов и реалистов. Победу одержали учащиеся гимназии. На этом ледовом катке Общество физического развития учащихся г. Уфы проводило состязания конькобежцев и фигуристов. Об их популярности свидетельствует тот факт, что в город для участия в соревнованиях приезжали спортсмены из Самары [8].

Среди учащейся молодежи Урала были популярны не только зимние, но и летние виды спорта. Например, летом 1913 г. по инициативе Общества физического развития учащихся г. Уфы было организовано первенство Урала по футболу. Учащиеся сразу же откликнулись на это событие, создав сборную ученическую команду. Правда, эта команда не отличалась большой сыгранностью, в результате чего проиграла спортсменам общества 0:8. Более упорным был поединок реалистов и гимназистов. В нем победу одержали последние со счетом 1:0. Теннис — еще один летний вид спорта, который был популярен среди уфимских учащихся. Они тренировались

на трех асфальтированных кортах на площадке Ушаковского парка. Здесь в течение лета играло в теннис более 1 200 учащихся [9].

Участие молодежи в культурной и общественной жизни Урала во многом зависело от уровня ее социальной активности, в основе которой ле-

жало воспитание у учащихся патриотизма, чему должен был способствовать прежде всего учебный процесс. Здесь особая роль отводилась урокам словесности. Так, в Уфимской мужской гимназии выбор тем для сочинений по русскому языку проводился с учетом того, чтобы «они не только возбуждали, но и осмысливали любовь к Отечеству». В этом учебном заведении в 1885 г. ученики 8 класса писали сочинение «Патриотизм в истории греков-римлян и русского народа» [10].

Формировать гражданскую позицию и зрелость были призваны и уроки по истории. На первом общеземском съезде по народному образованию, проходившем с 16 по 30 августа 1911 г. в Москве, отмечалось, что целью уроков по истории должна быть «подготовка учеников к пониманию государственного и общественного строя России» и содействие развитию в них любви к Отечеству [11].

Воспитательная работа в этом направлении проводилась и во внеучебное время. Для тематических собраний гимназистами Уфимской мужской гимназии выбирались такие исторические события, в которых проявлялась бы сила любви и преданности Отечеству. Так, 24 октября 1885 г. преподаватель истории изложил события Смутного времени на Руси, причем особенно подробно он остановился на освободительном движении К. Минина и Д. Пожарского, разъяснив значение этого события для российской истории. Также в этом учебном заведении старались выдавать награды ученикам книгами патриотического содержания, такими как «Севастопольская оборона»

«Альбом деятелей русской истории», «Дневник пребывания Царя-Освободителя в Дунайской армии в 1877 году» [12].

Учитывая возросший в связи с началом мировой войны интерес учащихся к военной истории, попечитель Оренбургского учебного округа (образованный в 1874 г., он включал в себя Пермскую, Уфимскую и Оренбургскую губернии) тайный советник Н. И. Тихомиров своим циркуляром от 30 сентября 1914 г. рекомендовал пополнить библиотеки школ, училищ, гимназий военно-исторической литературой [13].

Не оставались без внимания учащихся и педагогов юбилейные даты, связанные с именами выдающихся деятелей российской науки и культуры, принесших стране мировую славу. Согласно распоряжению ми-

нистра народного просвещения, Л. А. Кассо об организации праздничных мероприятий, посвященных 200-летию со дня рождения М. В. Ломоносова, во всех учебных заведениях округа были отменены занятия. Независимо от совершения панихиды предлагалось повсеместно в соответствии с силами и средствами достойным образом почтить память «этого русского гения – самородка с уяснением учащимися его горячей деятельной любви к Отечеству, к русской науке и просвещению». В честь этого знаменательного события среди учащихся Уфы был проведен конкурс на лучшее стихотворение о М. В. Ломоносове. На средства, пожертвованные председателем родительского комитета Уфимской Мариинской женской гимназии Н. Н. Быховским, были назначены три премии: 50, 30 и 20 рублей. На конкурс прислали 36 стихотворений, все призовые места достались представителям Уфимского учительского института [14].

Примером высокой гражданственности, любви к Отечеству для учащихся были их учителя. Так, преподаватели Троицкой и Екатеринбургской гимназий с получаемого содержания делали пожертвования в пользу раненых на русско-турецком фронте в 1877 г. [15]. В 1914 г. их примеру последовали наставники учебных заведений Уфы, выразив желание отчислять 3 % от заработка в пользу фронта [16].

Это начинание нашло горячий отклик в сердцах учащейся молодежи Урала. Ученики вместе с педагогами приняли активное участие в однодневных кружечных сборах на нужды армии и в пользу Красного Креста. Кружки для сбора пожертвований были поставлены во всех учебных заведениях [17]. Только с августа по декабрь 1914 г. было собрано более полутора тысяч рублей [18]. Журнал «Вестник школы» сообщал о том, что в Екатеринбурге две девушки пришли в банк, чтобы сдать свою золотую и серебряную медали на нужды фронта [19]. На эти же цели пошли средства, вырученные от продажи экспонатов, предназначенных для Всероссийской выставки в Киеве [20].

Ученицы гимназий и прогимназий на уроках рукоделия занимались изготовлением теплых вещей для солдат. Такая форма помощи возникла еще в 70-е гг. XIX в. Тогда ученицы Екатеринбургской женской гимназии, «сочувствуя тяжелому положению на востоке брать-

ев-христиан во время сербской войны, собственноручно изготовили три больших тюка белья и прочих вещей». С первого же дня объявления войны Турцией России девушки стали заниматься этой работой не только на уроках, но и в свободное время. «Даже и такие маленькие ученицы пригготовительного класса и те щиплют корпию» [21].

Не стали исключением и события 1914 г. Тогда для сбора теплых вещей, изготовленных ученицами средних заведений Урала, при Управлении Оренбургским учебным округом был создан специальный комитет. Туда же отправлялись изделия учащихся среднетехнических и ремесленных учебных заведений, которые, используя оборудование мастерских и лабораторий, способствовали выполнению заказов правительства по испытанию материалов и изготовлению различных принадлежностей для военного ведомства и учреждений Красного Креста [22].

Помимо материальной помощи, учащаяся молодежь старалась поддерживать солдат и морально. С началом военных действий к ежедневной утренней молитве прибавлялась молитва «Спаси господи и помилуй христоролюбивое воинство». Кроме этого, гимназисты 2-й Пермской мужской гимназии 8 сентября 1914 г. участвовали в крестном ходе и молитве «за Победу Русского оружия» [23].

О действенности воспитательной работы, на наш взгляд, может свидетельствовать тот высокий уровень гражданской сознательности, который демонстрировали молодые уральцы. В отчете пермского губернатора действительного статского советника И.Ф. Кошко за 1914 г. отмечалось, что «многие освобожденные от призыва молодые люди пошли на войну добровольно, и были даже случаи, когда забракованные при призыве настойчиво домогались принять их в войска» [24].

Учащаяся молодежь, как одна из самых образованных и «отзывчивых» групп населения, не могла остаться в стороне от участия в общественно-политических и революционных событиях. Как правило, вся революционно настроенная учащаяся молодежь была воспитана на публицистических и художественных произведениях известных литераторов, в которых поднимались актуальные проблемы российской действительности, давались рекомендации «что делать».

Огромное влияние на формирование демократических взглядов учащихся, на готовность их участия в революционном переустройстве существующих государственных устоев оказывали и молодые преподаватели средних учебных заведений Урала. Это были выпускники вузов, часто столичных, которые в свои студенческие годы приобщились к революционной борьбе. Например, во второй половине 70-х г. г. XIX в. классный наставник Екатеринбургской гимназии Абрамов распространял среди гимназисток запрещенную литературу. Он же, по заявлению попечительницы гимназии, проповедовал идеи равенства и братства среди учениц. О степени влияния наставника на воспитанников можно судить по следующему факту: узнав о высылке его в Вятку, они подали коллективное прошение об увольнении их из гимназии. Позже они неоднократно навещали своего учителя в Вятке [25].

В 1883 г. были лишены права на педагогическую деятельность 19-летние учащиеся Благовещенской учительской семинарии Матвеев и Николаев. Оба «по неблагонадежности в политическом и религиозно-нравственном отношении» [26]. Выпускник Санкт-Петербургского университета С. Удинцев, прибывший в Златоуст в качестве учителя в дом горного начальника, был арестован 2 января 1885 г. за участие в претупном сообществе в Санкт-Петербурге «Союз молодой народной воли». В связи с такими явлениями в 80-е г. г. XIX в. возникла практика негласной аттестации нравственных качеств и политической благонадежности молодых людей, собиравшихся сдавать экзамены на звание учителя [27].

Особенно усилилось влияние молодого учительства на формирование оппозиционных самодержавию настроений среди учащейся молодежи в годы Первой русской революции. В 1905 г. унтер-офицеры Верхотурского уездного жандармского управления неоднократно отмечали политическую неблагонадежность учителей. В частности, в сочувствии революционному движению были замечены педагоги Нижне-Тагильского горнозаводского училища. Учащиеся этого учебного заведения активно занимались изучением политических вопросов и участвовали в противоправительственных демонстрациях. В

списках «неблагонадежных» часто можно встретить учителей вместе с их учениками, попавшими под их влияние [28].

Учащиеся, со свойственной молодежи горячностью и нетерпеливостью, искали ответы на вопросы, которые ставила перед ними жизнь, в запрещенной литературе, участвовали в деятельности нелегальных кружков и организаций. В середине 70-х г. г. XIX в. такие организации возникли в 12 учебных заведениях Перми, Вятки, Уфы, Оренбурга и Екатеринбурга. В них велись жаркие споры о проблемах российского общества и будущего страны. Каждый кружок пытался обзавестись нелегальной библиотекой и издавать собственный (рукописный) журнал или газету. Пермские семинаристы выпускали журнал «Бурсак», позднее — «Окурок» [29]. В Екатеринбургской женской гимназии выходил журнал «Своими силами». В Николаевской школе Челябинска издавался ученический журнал «Школьный товарищ» [30].

В 80-е г. г. XIX в. кружки уже действовали почти во всех средних учебных заведениях Урала. Все чаще сами учащиеся занимались пропагандой среди своих товарищей. В 1880 г. сестры Рудневы, ученицы Оренбургской женской гимназии, были замечены в распространении «нигилистических идей» среди гимназистов. За это они были отчислены из учебного заведения [31].

В 1900-е г. г. XIX в. учащаяся молодежь, по мере обострения политической ситуации в империи, все активнее участвовала в общественно-политической жизни. По данным В.Я. Рушанина, за 1901–1904 гг. количество выступлений учащихся Урала выросло почти в три раза по сравнению с 1895–1900 г. г. [32].

К началу революции антиправительственные организации учащихся становятся настолько распространенным явлением, что начальник Пермского губернского жандармского управления полковник Н. П. Евстафьев приказал своим подчиненным собирать в уездах материалы о деятельности таких организаций и их членах. Из анализа этих материалов, а также негласной переписки между директорами учебных заведений видно, что формы борьбы учащейся молодежи были различными. Они участвовали в забастовках, митингах и демонстрациях. Ученица

Екатеринбургской женской гимназии Анна Дудина подстрекала учениц кричать на демонстрации «Да здравствует свобода» [33]. В январе 1901 г. 38 учащихся Уральского горного училища устроили забастовку протеста против существующих в учебном заведении порядков [34].

Своего апогея политическая активность учащейся молодежи достигла во время революционных событий 1905–1907 гг. Семинаристы Оренбургской духовной семинарии и ученицы Челябинской женской гимназии в течение 1905 г. неоднократно участвовали в маевках [35]. А в 1906 г., когда было повешено несколько активных участников событий 1905 г., воспитанницы этой гимназии в знак протеста отказались отвечать на уроках и покинули учебное здание [36].

В январе 1907 г. гимназисты Уфимской мужской гимназии отметили годовщину «кровавого воскресенья» всеобщим пением «Марсельезы» и «Вечной памяти» [37]. В Туринском горном училище 16 марта 1907 г. 150 учеников объявили забастовку, требуя увольнения преподавателей, плохо обращавшихся с ними. Администрация отказалась пойти на уступки и исключила всех зачинщиков этой акции [38].

Требования, выдвигаемые учащимися в годы революции, были весьма разнообразными, но большинство из них было направлено на демократизацию среднего образования [39].

В ходе борьбы учащаяся молодежь средних учебных заведений добилась следующих уступок: с осени 1905 г. отменялось ношение формы учащимися вне школы; прекращалась

слежка за учащимися и применение к ним физических наказаний; значительно был ослаблен контроль учебной администрации за внешкольным чтением и участием учащихся в «религиозных отправлениях»; отменено было ведение кондуитов; в составы педсоветов учебных заведений стали входить представители учащихся и родительской общественности с правом решающего голоса по всем проблемам внутришкольной жизни. Возросла роль старост в решении конфликтных вопросов, возникающих между учащимися и администрацией [40].

Но вскоре после поражения революции старый внутренний распорядок в учебных заведениях был восстановлен практически полностью. Так, ранее отмененные административные наказания и кондуитные журналы

вводились вновь; с февраля 1908 г. было снова запрещено ученикам выступать на концертах и вечерах вне стен учебных заведений. Урезаны были права родительских комитетов, многие из них были упразднены. Учащимся средней школы независимо от возраста запрещалось появляться на улице позднее 8 часов вечера зимой и 9 часов — летом; усиливался надзор за квартирами, где проживали учащиеся без родителей. Ученики не имели права без разрешения школьного начальства посещать театры, концерты, вечера, городские библиотеки, публичные лекции [41].

Таким образом, учащаяся молодежь всегда проявляла социальную активность, что способствовало формированию у нее социально значимых качеств, необходимых и полезных будущему обществу.

Список источников

1. Циркуляр по Оренбургскому учебному округу. 1904.
№ 12. С. 91.
2. Вестник Оренбургского учебного округа. 1913. № 5. С. 299–300.
3. ГАПО. Ф. 171. Оп. 1 Д. 4. Л. 36.
4. Пермская земская неделя. 1907. 15 нояб.
5. Попов, В.Е. Открытие в г. Екатеринбурге Пермской губернии общества под названием «Уральский майский союз»/ В.Е. Попов. — Текст: непосредственный.// Вестник Оренбургского учебного округа. — 1913. — № 3. — С. 159.
6. Постановления Первого общеземского съезда по народному образованию в г. Москве 16–30 августа 1911 г. Уфа, 1912. С. 12.
7. ГАПО. Ф. 171. Оп. 1 Д. 4, 38; Вестник Оренбургского учебного округа. 1912. № 4. С. 243; № 5. С. 314; 1914. № 4. С. 267.
8. Вестник Оренбургского учебного округа. — 1912. — № 7-8. — С. 449.

9. Там же.
10. Центральный государственный исторический архив Рес-публики Башкортостан (ЦГИАБР). Ф. И-119. Оп. 1. Д. 51. Л. 51.
11. Постановления Первого общеземского съезда по народному образованию в г. Москве 16–30 августа 1911 г. Уфа, 1912. С. 16.
12. ЦИГАРБ. Ф. И-119. Оп. 1. Д. 51. Л. 51.
13. ГАПО. Ф. 172 Оп.1 Д.1а Л. 20–23.
14. ЦИГАРБ. Ф. И-119. Оп. 1. Д. 209. Л.18,11,20.
15. Пушнов, О.И. Двадцатипятилетние Троицкой гимназии (1873–1898) / О. И. Пушнов, А. К. Зеленецкий, В. А. Лавровский. – Троицк, 1900. – С. 45. – Текст : непосредственный.
16. Вестник Оренбургского учебного округа, 1914. № 6–7. С. 700.
17. ГАПО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 1а. Л. 41,50; Вестник Оренбургского учебного округа. 1914. № 6–7. С. 664–668.
18. Вестник Оренбургского учебного округа. 1914. № 8. С. 478.
19. Вестник Оренбургского учебного округа. 1914. № 6-7. С. 399.
20. ГАПО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 1а. Л. 64.
21. Отчет о состоянии Екатеринбургской женской гимназии за 1876–77 г. г. Екатеринбург, 1877. С. 12.
22. ГАПО. Ф. 693. Оп. 1. Д. 47. Л. 147; Ф. 172. Оп. 1. Д. 1 А. Л. 86; Вестник Оренбургского учебного округа. 1914. № 6-7. С. 640, 661.
23. ГАПО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 4. Л. 38; Ф. 172. Оп. 1. Д. 1А. Л. 65.
24. ГАПО. Ф. 65. Оп. 1. Д. 62. Л. 1об.
25. ГАПО. Ф. 65. Оп. 1. Д. 423. Л. 6, 7, 11об., 17об., 30, 31, 51об.

26. Государственный архив Свердловской области (ГАСО).Ф. 93. Оп. 1. Д. 14. Л. 13.
27. РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 217. Л. 15, 15об., 79.
28. ГАСО. Ф. 519. Оп. 1 Д. 50. Л. 18, 18об.; Д. 123. Л. 60, 65, 65об.; Ф. 521. Оп. 1 Д. 12. Л. 343–358.
29. Рушанин, В. Я. Нелегальные библиотеки уральской учащейся молодежи (60 – 80-е гг. XIX в.) / В. Я. Рушанин. – Текст : непосредственный // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2012. –№ 1 (29). – С. 7–11.
30. ОГАЧО. Ф. 1732. Оп. 1. Д. 50. Л. 22; Рушанин, В. Я. Журналы и газеты учебных заведений Урала (вторая половина XIX– начало XX веков) / В. Я. Рушанин. – Текст : непосредственный // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2012. –№ 10 (269). – С. 50–54.
31. РГИА. Ф. 733. Оп. 200. Д. 25 Л. 1–1об.
32. Рушанин, В.Я. Молодежное движение в России: Региональный аспект (1861–1904 г. г.) / В.Я. Рушанин. – Челябинск, 1998. – С. 105, 115. – Текст: непосредственный.
33. ГАСО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 12. Л. 315.
34. ГАСО. Ф. 93. Оп. 1. Д. 72. Л. 4–6.
35. ОГАЧО. Ф. 1732. Оп. 1. Д. 50. Л. 8, 35.
36. Там же. Л. 30.
37. ЦГИАРБ. Ф. И-119.Оп. 2. Д. 6. Л. 13.
38. ГАСО. Ф. 185. Оп. 1. Д. 71. Л. 35, 35об.
39. ГАСО. Ф. 93. Оп. 1. Д. 72. Л. 4–6; Ф. 185. Оп. 1 Д. 71. Л. 35, 35об.; Ф. 538. Оп. 1. Д. 22. Л. 4, 4об.; Ф. 552. Оп. 1. Д. 6. Л. 1; ГАПО. Ф. 65. Оп. 1. Д. 423. Л. 6–7.
40. Тебиев, Б. К. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР: Конец XIX– начало XX вв. / Б. К. Тебиев,

Ф. Ф. Шамахов, Р. Ф. Усачев. – Москва, 1991. – С. 38,
39, 42, 51. –Текст : непосредственный.

41. ГАСО. Ф. 90. Оп. 1. Д. 69. Л. 43об.; Ф. 529. Оп. 1. Д. 15. Л.
113; ЦГИАБР. Ф. И-119. Оп. 1. Д. 188. Л. 1, 7; ГАПО. Ф. 693. Оп. 1.
Д. 47. Л. 50. Д. 28. Л. 27, 58; Вестник Оренбургского учебного
округа. 1012. № 7-8. С. 472; 1913. № 7-8 С. 387.

6. Влияние деятельности церковно-приходских школ на повышение уровня образования детей и взрослого населения Урала кон.ХІХ-нач.ХХ вв.

В условиях структурной перестройки всех социальных сфер возрастает роль институтов гражданского общества в решении вопроса воспитания личности. Воспитание сегодня определяют как процесс формирования гражданина, способного полноценно жить в обществе и быть полезным этому обществу [1,с.186] Одним из социальных институтов, призванных реализовать эту цель является церковь [2, с.11]. Вместе с тем, вопросы организации взаимодействия государства, церкви и системы образования для эффективности процесса развития личности остаются недостаточно обоснованными и разработанными. Изучение исторического наследия в рамках обозначенного аспекта позволяет подчеркнуть значимость рассмотрения данного вопроса для современности и выявить средства, которые, благодаря выстроенному взаимодействию соответствующих структур, могут способствовать более успешному решению вопроса формирования личности.

Рассмотрим, как шло становление системы церковно-приходских школ в России кон.ХІХ-нач.ХХ вв., и каковы пути её влияния на повышение культурного уровня детей и взрослого населения.

Начиная с указов Александра I (1803 г.) и Николая II (1836 г.) русскому православному духовенству предлагалось принять активное участие в просвещении народа. Духовенство с пониманием отнеслось к призыву императоров и стало на свои средства открывать приходские школы. С новой силой вопрос о народном просвещении прозвучал после отмены крепостного права. И вновь православная церковь не осталась в стороне от решения этой важной проблемы. Церковно-приходские школы «открывались по епархиям целыми сотнями каждый год... С 1859 по 1865 годы открыто свыше 21 400 новых приходских школ исключительно одним духовенством» [3, с.835]. В них обучалось 419 524 школьника [4, с.200].

Однако против школ духовенства выступали в 1864 году органы местного самоуправления. Многие земства считали, что они самостоятельно, без помощи церкви и других ведомств смогут создать систему народных школ в империи, с новым, не религиозным, а «культурным» направлением, другими формами и методами обучения и иным составом учителей. Начался процесс присоединения церковно-приходских школ к числу земских. Печать, особенно центральная, заподозрила «горячо затолковала о невежестве духовенства, и об отсталости его методов обучения, и об узости самой программы этого обучения» [3, с.836]. В результате этого к 1883 году в России осталось всего 5 500 церковно-приходских школ. Причем они оставались преимущественно в тех губерниях, где не было создано земских учреждений. Их число по сравнению с 1865 годом сократилось почти в четыре раза. Подобная картина была и в Оренбургской епархии, где в 1884 году церковно-приходских школ было всего десять [5,с.129].

Однако, как показало время, земства переоценили свои возможности. Открываемые ими новые начальные школы не могли охватить всех детей, желающих учиться. Даже общее число начальных училищ Министерства народного просвещения и начальных школ земств смогли охватить обучением к началу 80-х годов лишь 6 % учащихся от общего числа российских детей школьного возраста [4, с.210].

По мнению духовенства, части патриотично настроенного образованного общества, некоторых правительственных кругов, министерские и земские школы, особенно в 70-е годы, «теряют любовь» населения России, особенно сельского. И связано это было в первую очередь с тем, что они «не удовлетворяли коренным потребностям народного духа. Потому что в учебно-воспитательном процессе было упущено религиозно-нравственное воспитание ребенка». Существующие школы только обучали, но не воспитывали.

В народной школе стали обнаруживаться негативные явления: неуважение к народным идеалам и забвение дорогих сердцу русскому заветов церкви. А появление на исторической арене революционного народнического движения напрямую связывали с ослаблением религиозно-нравственного воспитания в школьном образовании.

В российском обществе всё сильнее и сильнее стали раздаваться требования вернуть духовенство к делу начального образования учащихся. С начала 80-х годов начинается возрождение церковно-приходских школ. В 1882 году правительство создает особую комиссию для разработки вопроса о предоставлении православному духовенству надлежащего влияния на начальное обучение. В смету Святейшего Синода было перечислено 55 000руб. на устройство церковно-приходских школ. Комиссия разработала «Правила о церковно-приходских школах», которые были утверждены 13 июня 1884 года и стали руководством к действию. По ним приходские школы и школы грамоты были отданы в полное ведение духовенства. Для управления ими учреждались епархиальные училищные советы, а при Синоде с 1885 года начал работать Училищный Совет. Духовенство ликovalo: наконец-то справедливость восторжествовала благодаря принятому решению Александра III.

Имеющийся опыт создания и содержания церковных школ, а главное, желание духовенства усилить своё влияние на воспитание подрастающего поколения, позволили ему быстро возродить систему церковно-приходского образования. Число школ этой формы обучения стало быстро расти. Уральский край не был исключением. Так, в Оренбургской епархии за пять лет (с 1884 по 1891 год) число церковно-приходских школ возросло с 10 до 67. Помимо этого в епархии в те же годы было создано 111 школ грамоты. В церковных школах Оренбургского региона обучалось 6780 детей. А ещё через пятилетие в 1894-1895 учебном году здесь было уже 96 церковно-приходских школ и 244 школы грамоты с общим числом обучающихся 10301 человек. То есть, каждый пятый школьник Оренбургской епархии был учащимся церковной школы [5, с. 129].

Таково краткое содержание экскурса в историю создания системы церковно-приходского обучения в России и на Урале. Но чтобы иметь полную картину этого процесса, необходимо показать, как само сельское население Урала относилось к обучению своих детей в церковно-приходских школах, действительно ли этим школам крестьяне отдавали своё предпочтение. При этом надо выявить, чем руководствовались ро-

дители, выбирая церковно-приходскую школу или земское училище; что ожидали крестьяне от начального обучения, какими, по их мнению, знаниями, умениями и навыками должны овладеть их дети после окончания школы. Необходимо определить, создавались ли родителями все необходимые условия для регулярного посещения учебных занятий, итоговых экзаменов; как складывались взаимоотношения родителей с учителями в ходе учебно-воспитательного процесса; каким было отношение крестьян к обучению девочек.

Анализ епархиальной периодической печати Урала позволил определить, чем же руководствовались родители, отдавая своих детей в церковно-приходские школы, а не в начальные школы Министерства просвещения или земств.

Первую причину можно определить как экономическую. Уральское сельское население отдавало предпочтение церковно-приходским школам, потому что обучение в них было самым дешёвым. Оно было «по карману» большинству крестьянства: например, в Оренбургской губернии содержание одной министерской или земской начальной школы в 80-90-е годы обходилось от 350 до 750 руб., в то время как церковно-приходская значительно дешевле – 100-120 руб. [6, с. 757].

А содержание школы грамоты стоило ещё дешевле. На средства, отпускаемые на одну земскую школу, можно было содержать 3-5 школ грамоты. Крестьяне платили учителю от 35 до 50 коп. за каждого ученика в учебный месяц. Если урожай зерновых был высоким или даже средним, то крестьяне вполне могли не только оплачивать обучение своего ребёнка, но и содержать школу. Даже, если сельское общество отказывалось (а так случалось очень часто) от своего ранее принятого решения, что школу будут содержать всем миром, а не только за счёт тех крестьян, чьи дети учатся в ней.

В министерских и земских училищах занятия начинались 1 сентября и завершались в мае. За пропуски школьниками уроков следовало их исключение. Иначе обстояло дело в церковно-приходских школах. И оно вполне устраивало крестьян-родителей. Здесь учебный год начинался в конце октября, а оканчивался в марте. Переломить эту ситуацию ни священники, ни учителя не могли: на крестьян не действовали ни бе-

седы, ни уговоры, ни просьбы. Родители считали, что школа может подождать, пока они вместе с детьми-школьниками не завершат напряжённый и очень важный для крестьян весенне-осенний период. Их не смущало, что учебный год из-за этого сокращался на 2,5-3 месяца. А когда руководители церковно-приходских школ, чтобы выполнить учебный план полностью, шли на увеличение сроков обучения (вместо двух три года), то крестьяне принимали и такое решение.

Это свидетельствовало о крестьянской сметке, они хорошо умели считать, определяя, что выгодно, а что нет. Ведь они видели, что за три сокращённых по времени учебных года им приходилось платить столько же, сколько и за два полных учебных года обучения. Но зато в последнем случае весной и осенью, в горячее время сельскохозяйственных работ, они имеют в качестве помощников своих детей-школьников. Крестьяне были уверены, что их детей, если и начнут занятия не 1 сентября, а во второй половине октября, из церковно-приходской школы не исключат. А из министерского или земского училища за это школьник был бы обязательно исключён.

Организаторы церковно-приходского обучения с пониманием относились к особенностям сельского труда и сдвигали сроки обучения крестьянских детей. И в этом тоже селяне видели преимущества церковноприходской школы перед другими и отдавали ей своё предпочтение.

Следующий фактор – нравственно-эстетический. В церковно-приходской школе не только хорошо обучали Закону Божию и церковно-славянской грамоте, но и церковному чтению, а главное, пению. Это особенно нравилось родителям. Ведь наиболее подготовленные и способные школьники входили в состав певчего хора, который по воскресеньям и праздникам пел на клиросе в храме. Родители шли в церковь не только помолиться, но увидеть и услышать, как читает или поёт их «чадо».

В эти минуты сердца родителей, особенно матерей, переполнялись радостью и гордостью за своего ребёнка. О важности этого фактора говорит и такой пример. Жители Миасского завода (мастеровые и крестьяне) отдавали своих детей, окончивших курс министерского учи-

лица ещё года на два в церковноприходскую школу, чтобы научить их церковному пению и чтению на клиросе [7, с. 316].

Фактор отложенной привилегии. Церковно-приходские школы устраивали и тех крестьян, в семьях которых были сыновья. Ведь они как министерские и земские школы давали юношам, окончившим полный курс обучения и успешно сдавшим экзамены, право получать льготы, свидетельство III и IV разрядов. Этот документ сокращал сроки воинской повинности.

Заведующие и учителя церковно-православных школ получили благодарственные письма от своих бывших учеников, которые служили в армии. Крестьяне, окончившие церковно-приходскую школу и прошедшие воинскую повинность, были ярыми сторонниками учебы юношей в церковно-приходских школах. А при обсуждении школьных проблем на общественных собраниях были всегда на стороне священника или учителя. Это были надёжные союзники организаторов приходского обучения.

Фактор проявления интереса раскольников и иноверцев к обучению в церковно-приходских школах. В начале 900-х годов в Оренбургском крае имели место случаи, когда магометане из башкир и татар отдавали своих детей в церковно-приходские школы. Связано это было с тем, что родители хотели, чтобы их сыновья овладели русской грамотой, которая им была необходима при отбывании воинской повинности.

Это одна причина, а другая – желание обучить юношей государственному языку с тем, чтобы они могли занимать должности в органах местного самоуправления, где знание русского языка было обязательным условием. Родители-иноверцы считали, что в церковно-приходских школах лучше, чем где либо, создана обстановка для общения христианских и магометанских детей. При этом башкирских и татарских школьников не заставляли учить Закон Божий.

В 1908-1909 учебном году в Оренбургской епархии в числе учащихся церковно-приходских школ было 45 детей из магометанских семей [8, с. 25]. В Екатеринбургской епархии в 1901-1902 учебном году в церковно-приходских школах и школах грамоты обучалось 278 детей раскольников. Родители в этих школах прельщало то, что школьников

обучали церковному пению, много времени уделялось изучению Закона Божия.

Фактор родительской удовлетворённости работой церковно-приходских школ. В те годы крестьянство не задавалось целью определить, где лучше обучают детей, в земских и министерских школах или в церковно-приходских. У него не было ни возможностей, ни знаний для этого. Но крестьян вполне устраивал тот уровень знаний, умений и навыков, который получали их дети в стенах церковно-приходской школы. Его было достаточно в обыденной крестьянской жизни. Специалисты же народного просвещения считали, что объём знаний, полученный в церковно-приходской школе, практически не уступал тому, который был приобретён школьниками других начальных учебных заведений. А по таким предметам, как Закон Божий и церковно-славянский язык, знания давала лучше церковно-приходская школа.

Таким образом,

Церковно-приходские школы в сельской местности Урала оказывали большое влияние на повседневную жизнь, как подрастающего поколения, так и взрослого населения. Вот как под влиянием обучения и воспитания менялось повседневное поведение учащихся. В первые дни и месяцы пребывания крестьянских детей в церковно-приходских школах и школах грамоты священники и учителя отмечали в действиях своих воспитанников такие негативные явления, как грубость в отношениях между собой, оскорбления друг друга, ябедничество, потасовки и т.д. Это действительно имело место из-за недостатков в семейном воспитании. Но уже к концу первого года обучения благодаря хорошей постановке воспитательного процесса ситуация менялась к лучшему.

По отзывам священников и учителей школьники уже отличались большим прилежанием, становились послушными, они с гораздо большим почтением относились к учителю и старшим по возрасту. В их поведении значительно меньше проявлялось дурных привычек. Серьёзных «проступков за учащимися, кроме детских шалостей, не замечалось. Поэтому, особых дисциплинарных наказаний, кроме замечаний, становления на ноги на месте, внушений наедине и перед классом, не употреблялось» [9, с. 490]. Таковы были первые итоги религиозно-

нравственного воспитания учащихся церковно-приходских школ. Через своих воспитанников школа оказывала положительное влияние и на взрослое население, в первую на родителей учащихся. По мнению наблюдателя XXXI благочинного округа Оренбургской епархии «Редкий крестьянин осеял себя крестным знаменем сознательно, редкий из них знал молитвы, кроме «Иисусовой» и «Богородице». Теперь же многие знают «заповеди», «Символ веры» и другие молитвы. И эти знания они приобрели от своих детей-школьников» [10, с. 213]. Улучшились отношения между членами семьи. «Неслышно шума и срамных слов, какие раньше были обычным явлением в домах невоздержанных крестьян. Теперь же для невоздержанного отца малютка-сын грамотный служит невольным учителем воздержаний в слове» [10, с. 213]. По этому поводу «Екатеринбургские епархиальные ведомости» в 1901 году писали: «Обучающиеся в церковных школах дети служат хорошим проводником в народ всего светлого и доброго: грубость нравов в русской семье смягчается, в крестьянской семье можно услышать ныне чтение проникнутой духом православия и патриотизма книги, а подчас, и церковное пение» [11, с. 372]. Действительно, в семейном быту становится более почтительным отношение к духовным лицам, наблюдалось смягчение и облагораживание семейных нравов, уменьшалось проявление суеверий, кулачной расправы и т.п.

В 90-е в крестьянских семьях Урала росло стремление дать начальное образование не только сыновьям, но и дочерям. Местные епархии поддерживали это желание, открывая смешанные церковно-приходские школы, где обучались вместе с мальчиками и девочки. Но число девочек, поступающих в школы, быстро росло. Поэтому священники стали открывать и чисто женские церковноприходские школы и школы грамоты.

Вместе с тем, если крестьянские семьи Уральского региона к началу XX века хорошо осознали необходимость обучения своих сыновей, то с учёбой дочерей дело обстояло несколько сложнее. Ведь если в семье сын и дочь достигали школьного возраста, а средств учить сразу двух детей не было, то предпочтение отдавалось мальчику. А вот как ещё объясняли родители своё нежелание обучать дочерей даже в цер-

ковноприходской школе: «даже, если и выучится девушка грамоте, то ведь барин (в смысле, богатый или образованный мужчина) всё равно замуж её не возьмёт. Она остаётся такой же крестьянкой, как и была»; «грамотной девушке труднее выйти замуж. Многим женихам из числа крестьян не нужны грамотные жёны. Одним словом, жена не должны быть более образованной, чем её муж»; «вместо учёбы пусть обучится какому-нибудь «выгодному» ремеслу (рукоделию). Это будет хорошим материальным подспорьем в повседневной сельской жизни».

Учителя, священники в беседах с родителями сравнительно легко и убедительно «разбивали» такие доводы родителей в отношении обучения девушек. Но многие крестьяне продолжали стоять на своём [12, с. 498]. Недороды хлеба и особенно голод, последовавший после сильной засухи 1891 года, заставили местные власти, общественность Урала искать пути смягчения последствий этих негативных явлений. Было решено развивать кустарные промыслы, вовлекая в них крестьянство. Считалось, что овладение «второй» специальностью поможет не только выживать сельским труженикам в подобных ситуациях, но несколько улучшит материальное состояние крестьянских семей.

Похожим путём пошла и церковно-приходская школа. Её организаторы стали вводить дополнительные занятия: для девочек проводили уроки по рукоделию, а мальчиков учили столярно-слесарному или переплётному делу. Так, в Екатеринбургских церковно-приходских школах проводились ремесленные занятия. Например, в Екатеринбургской школе учеников обучали столярному и токарному делу, а при Вхотинской школе – плетению сумок и гамаков. Вырученные деньги от продажи этих изделий шли на нужды школы [13, с. 220].

А вот какая была реакция родителей на введение в школах этих новшеств. Отцы, главы семейств, по поводу обучения их сыновей столярно-слесарным навыкам и умениям особого энтузиазма не проявляли. Видимо, считали, что этим премудростям они вполне сами могут научить своих детей и их будет достаточно в крестьянском хозяйстве.

В крестьянских семьях родители не хотели и даже боялись, чтобы сын в совершенстве овладел столярно-слесарным или токарным делом. Он ведь мог вообще бросить крестьянский труд и работать столяром,

слесарем не в родной деревне, а где-нибудь в городе, на заводе, руднике. Отцу же и матери хотелось, чтобы их будущий кормилец был с ними рядом. Другое дело обучение рукоделию девочек. Родители ничего не имели против и даже были рады, что их дочери учатся шить, вязать и т.п. Ведь всё необходимо в семейной жизни, особенно, когда у них появятся свои дети. Ну а если будет хорошей мастерицей, то сможет «обшивать» девушек и женщин своей деревни, посёлка. Было обычным явлением, когда в школу на занятия по рукоделию приходили девушки уже окончившие школу. Те, которые учились в школе в то время, когда таких занятий не было.

Организаторы церковно-приходского образования, живя в гуще сельского населения, видели, что урожайность в крестьянских хозяйствах весьма низкая. При этом крестьяне не только не желали внедрять новинки агротехники и селекции, но и мало что знали о них. Более того, они не использовали то, что было давно известно им и хорошо зарекомендовало себя в сельском хозяйстве. Например, на Урале, в это даже трудно поверить, многие крестьяне не использовали навоз в качестве удобрения.

Вместо того, чтобы навоз вывозить на свои поля, они его выбрасывали на дорогу, в овраги. Часто берега рек и озер или прямо на лёд, загрязняя тем самым воду. Крестьяне считали, что их поля не нуждаются в удобрении, так как земля ещё плодородна. Специалисты же сельского хозяйства считали, что старые уральские пахотные земли истощены и нуждаются в удобрениях. Но крестьян в этом трудно было убедить, да и агрономические службы были маломощными, разъяснительную работу вести было некому. Учителя, церковнослужители попробовали своими методами решать данную проблему. Заведующие церковно-приходскими школами проводили большую организационно-разъяснительную работу среди крестьян. Они убеждали их на сельской сходе принять решение о выделении школе земли размером 2-3 десятины. Учителя рассчитывали на этой земле научить школьников с учетом последних достижений выращивать овощи, зерновые культуры. Это могла быть своего рода опытная делянка. Чтобы проводить эту работу квалифицированно, учителя в летнее время, во время школьных каникул на

специально организованных епархиальными училищными советам курсах обучались агрономии.

Программа курсов была хорошо продумана. Она сочетала как практические, так и теоретические занятия. Однако этих подготовленных учителей явно не хватало. А местные агрономические кадры вопросами детского опытничества не занимались. У них работы было очень много и без того. Поэтому, несмотря на то, что школы по решению сельских сходов и получали землю, но организовать опытническую работу учащихся так и не сумели.

Вывод о том, что влияние было большим, это доказывает факт увеличения кол-ва детей именно в церковно-приходских школах (данные)

Таким образом, церковно-приходские школы в XIX веке прошли сложный путь становления и развития, и в этом огромная заслуга православной церкви. Население Урала, особенно сельское, приняло данную форму обучения своих детей. Вскоре церковно-приходская школа стала не только центром обучения, но и центром культурно-воспитательной работы, которая успешно проводилась как среди детей, так и среди взрослых. Эта работа, по мнению учителей и священников, давала положительные результаты. Изучение данного наследия является ценным опытом для современности.

Список источников

1. Педагогика: учебник и практикум / С.В. Рослякова, Т.Г. Пташко, Н.А. Соколова. М.: Изд-во «Юрайт», 2016. Сер. 68. Профессиональное образование (2-е изд., испр. и доп). 402с.
2. Социальная педагогика: учебник и практикум / Н.А. Соколова, Н.П. Артемьева, В.Ф. Жеребкина, Е.В.Моисеева, Т.Г.Пташко, С.В.Рослякова, Н.В. Сиврикова, Т.П. Скребцова, Е.Г. Черникова, А.А. Шевченко. Сер. 11 Университеты России (2-е изд., испр. и доп) М.: Изд-во «Юрайт», 2016. 309 с.
3. Тальберг Н. История Русской Церкви. М.: Издательство Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря. 1994. 924с.
4. Оренбургские епархиальные ведомости. 1908. № 10.С.126-392.
5. Оренбургские епархиальные ведомости. 1897. № 3.С.9-158.

6. Оренбургские епархиальные ведомости. 1890. №24.С.329-776.
7. Оренбургские епархиальные ведомости. 1900. № 23.С.220-499.
8. Оренбургские епархиальные ведомости. 1911. № 2.С.18-52
9. Оренбургские епархиальные ведомости. 1897. № 12.С.474-502
- 10.Оренбургские епархиальные ведомости.1897. № 5.С.197-240
- 11.Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1901. № 17. С.364-790.
- 12.Оренбургские епархиальные ведомости. 1895. № 17.С.246-520.
- 13.Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1901. № 12.С.199-572.

7.Религиозно-нравственные чтения в повседневной жизни уральского православного населения в 80-е годы XIX – начало XX в.в.

В любую историческую эпоху актуальной является проблема формирования личности, соответствующей требованиям социума, вопросы её социализации [1; 2]. В конце XIX-начале XX вв. наблюдается обострение вопроса социализации Уральского населения. Одним из критериев данного явления выступает сформированный уровень их нравственности. Церковь, как социальный институт, всегда играла большую роль в решении обозначенной проблемы [3].

В 70-е годы XIX в. Православная церковь России активизировала свое участие в совершенствовании организации разумного досуга верующих. Уральские епархии стали создавать религиозно-просветительские формы досуга, в которых особое место занимали внебогослужебные религиозно-нравственные чтения. Проводились они обыкновенно по воскресным и праздничным дням. «Цель бесед – дать народу хотя бы элементарные сведения и насколько возможно способствовать улучшению его нравственности, а так как предполагаемые собеседования назначались по воскресным и праздничным дням, то вместе с главной целью имелась ввиду и другая: отвлечь народ от пустого, часто беспорядочного, препровождения времени» [4, с. 292].

Часто уральская епархиальная печать, определяя цель внебогослужебных религиозно-нравственных чтений, на первое место ставила их досуговую значимость. Так, «Оренбургские епархиальные ведомости» в январе 1883 года, когда только начиналось их проведение, писали по этому поводу так: «Цель бесед – отвлечь народ от непристойного образа препровождения времени в праздники... а с другой - дать ему что-нибудь назидательное. ... И народ с первого же разу стал посещать их в значительном количестве» [5, с. 152].

В Оренбурге каждый городской священник помимо своих прямых обязанностей был обременен еще многими побочными, то и вести беседы на первых порах решились только трое. «Это – священник при церк-

ви юнкерского училища о. Павел Словохотов, кладбищенской церкви священник о.Петр Райский и Покровской церкви священник о.Владимир Ясенский» [4, с. 292].

Отцы-собеседователи «проводили беседы» по готовым печатным руководствам и притом так, чтобы эти беседы имели вид неторопливого и удобно-понятного чтения, иначе: чтобы беседы походили на чтения и чтения – на беседы» [4, с. 292]. Исходя из такой методики, Уральская епархиальная печать называла данные чтения то беседами, то собеседованиями, то чтениями, а позже лекциями. Учитывая, что религиозно-нравственные чтения проводились чаще всего для «простого народа», то от собеседователей требовалось, чтобы материал излагался «живой речью, а содержание должно достать искренностью, простотой и чувством». Вначале религиозно-нравственные собеседования в Оренбурге проводились в здании городской Думы и в зале мещанской управы. Первая «беседа-чтение» проходила 2 января 1883 г. с трех часов дня. «Перед началом чтений был отслужен молебен Господу Богу, после которого народ в количестве до 200 человек, преимущественно женщины, разместились, кто где мог: одни уселись на скамьях, другие на полу, большинство же все продолжение чтений оставались на ногах». В ходе чтений шло «объяснение Евангелия, житие святителя Василия Великого, чтение и объяснение Апостола и назидательной статьи из журнала «Воскресное чтение», и все это сопровождалось пением молитвы «Достойна есть». Народ остался доволен первым опытом чтений и «многokrатно благодарил о.о. собеседователей».

Последующие чтения проводились в том же порядке. С каждой беседой число слушателей увеличивалось, а приготовленные для сидения скамьи, оказались ненужными: весь народ едва мог помещаться в зале, стояли на ногах. «Наплыв народа особенно увеличивался со времени, когда чтения стали проводиться с пением. Начало пению при духовно-нравственных чтениях в Оренбурге было положено 23 января хором архиерейских певчих. Затем по очереди стали принимать участие певчие хоры церквей: Вознесенской, Троицкой, Покровской, и хор любителей. Хоровое пение, с одной стороны, привлекало слушателей на беседы, а с другой, освежало утомленное чтением внимание слушателей

и давало возможность короткого отдыха собеседователям. Иногда слушателям лекторы раскрывали содержание и церковных песнопений. Так, 13 февраля 1883 г. «хор певчих Вознесенской церкви исполнил «На реках Вавилонских», после чего последовало объяснение этого псалма» [4, с. 294].

20 февраля 1883 г. из-за все увеличивающегося наплыва слушателей, духовно-нравственные чтения из зала мещанской управы перенесли в собор на Караван-Сарайской площади, его вместительность до 1000 человек. С перенесением чтений в собор стало заметно больше разнообразия в составе слушателей. «Кроме простого народа стали посещать чтения купечество, чиновники и их жены, и их привлекало не одно простое любопытство» [5, с. 295].

Помимо Оренбурга внебогослужебные религиозно-нравственные собеседования стали проходить в соответствии с указом Оренбургской Консистории за № 1815 и в других приходах. Они стали устраиваться во всех городских и многих сельских приходах Оренбургской епархии [6, с. 847]. Внебогослужебные религиозно-нравственные беседы проводились священниками сельских церквей. Так, в селе Павловка священник Александр Граммаков с 27 ноября 1883 года начал проводить эти беседы. Здесь на первом собеседовании прихожан было «до 200 человек, которые слушали беседу с большим вниманием, а после ее окончания они благодарили за доброе слово и особенно за внятное и весьма понятное изложение беседы». Это было достигнуто за счет того, что священник «излагал текст своими словами» [7, с. 15].

В сельской местности внебогослужебные беседы проводились не только в храмах, но и местных школах, волостных правлениях, сельских управах, общественных избах. Летом чтения устраивались «везде, где только это удобно и прилично [7, с. 20]. К организации и проведению народных чтений во второй половине 80-х гг. XIX в. подключился Совет Оренбургского Михайло-Архангельского братства. Он оказывал материальную помощь в их проведении. Так, 27 января 1888 г. Совет Братства принял решение о приобретении туманных картин для волшебного фонаря, книг и брошюр. В принятом документе отмечалось, что световые картины фотографа Оже все были использованы при рели-

гиозно-нравственных чтениях в манеже юнкерского училища. Поэтому Совет постановил приобрести 25 картин с брошюрами для них за 55 рублей в собственность Братства. Кроме этого, «в интересах распространения между простым народом брошюр религиозно-нравственного содержания и для возбуждения в нем интереса к такому чтению, Совет признал полезным выписать 2,5 тысячи экземпляров Троицких листков и изданий Сытина для раздачи брошюр каждому посетившему духовные чтения...» [8, с. 207].

В конце 80-х гг. XIX в. организаторы внебогослужебных религиозно-нравственных чтений пытались дифференцированно подходить к формированию аудиторий слушателей. В основе такой дифференциации лежал образовательный уровень прихожан. Для «простых горожан», как правило, в эту категорию попадали малограмотные или неграмотные жители Оренбурга, беседы устраивались в манеже юнкерского училища. Для «интеллигентной публики» чтения проводились в зале Городской думы [9, с. 28]. Здесь в 1888 г. были прочитаны следующие наиболее интересные статьи: «Что такое жизнь?», «Естественный Закон в духовном мире», «Нетление святых мощей угодников Божьих» и др. Если в манеже собиралось на чтения народу от 200 до 500 человек, то в здании Городской Думы, где устраивались чтения для «интеллигентной публики», слушателей было значительно меньше - 50-200 человек. В 1888 г. в помещении Думы было проведено 18, а в манеже - 19 чтений [9, с. 32].

Когда чтения для простого народ проводились «в соборной зале регентской школы... успех... был обеспечен непосредственным ведением дела самим Преосвященным Председателем Совета Братства Владимиром, Епископом Оренбургским и Уральским. Владыка принимал самое деятельное участие в устройстве этих чтений: сам составлял программы чтений, подбирал статьи, выдавал для иллюстраций чтений картины, которых было более тысячи, из своих собственных разнообразных коллекций; сам Владыка назначал соответствующие содержанию чтений церковные песнопения для певческого хора, и сам присутствовал на чтениях. Каждое чтение начиналось с выхода Преосвященного в аудиторию. Они начинались сопровождением и оканчивались церковным песнопением. Обыкновенно исполнялось от 8 до 12 номеров из-

бренных духовных композиторов. Певчий хор, организованный и обучаемый при непосредственном наблюдении Владыки, точным исполнением доставлял слушателям чтений истинное духовное наслаждение [10, с. 10-11.] Чтений для народа, состоявшихся в соборном зале регентской школы с 29 ноября 1898 по 11 апреля 1899 г., составили более 20. Чтения проходили по воскресным дням с 7 часов вечера и были бесплатными. На них побывало 15200 посетителей. За этот же период времени было устроено 16 чтений для интеллигентной публики. Кроме религиозно-нравственных чтений для простого народа и интеллигенции проводились миссионерские беседы со старообрядцами в регентской школе. Они проходили по воскресеньям с 3 до 5 часов. Всех бесед с раскольниками состоялось 26 [11, с. 14].

Челябинское отделение Братства внебогослужебные чтения проводило «в местной тюрьме и военных казармах» [11, с. 17]. А в Орске местное отделение Михайло-Архангельского Братства в течение нескольких лет организовывало внебогослужебные собеседования в чайной попечительства народной трезвости [12, с. 233]. В другой уральской епархии – Екатеринбургской, «внебогослужебные собеседования были введены почти во всех церквях...» [13, с. 149]. Если в Оренбургской епархии проведение внебогослужебных религиозно-нравственных собеседований взял на себя Совет Михайло-Архангельского Братства, то в Екатеринбургской епархии это делал Совет общества праведного Симеона Верхотурского Чудотворца [14, с. 584]. Им в начале XX в. беседы были проведены в Екатеринбурге, Камышлове, Шадринске и ряде заводских поселков. Всех чтений в г. Екатеринбурге в 1901 г. было проведено 21. Народу на каждом внебогослужебном чтении собиралось по 100-150 и больше человек. Слушатели этих бесед «были по преимуществу люди простые, интеллигентов являлось мало». В г. Камышлове всех чтений в 1901 г. прошло 17 [15, с. 255].

В Екатеринбургской епархии многие религиозно-нравственные чтения проходили в церковно-приходских школах. Так, в Екатеринбургском уезде для собеседований с населением использовалось 12 школ. В школах поселков Верх-Исетского, Сысертского и Нижне-Исетского заводов чтения иллюстрировались туманными картинками волшебного фонаря.

Эти «чтения везде сопровождалось хоровым пением нравственного и патриотического содержания» [16, с. 199].

В Екатеринбургской епархии, как и в Оренбургской, народные религиозно-нравственные чтения проходили в присутствии Его Преосвященства. Это придавало им особую торжественность. 6 декабря 1911 г. в 7 часов вечера в зале театра Обухова он также был на чтениях, который проводил протоиерей Екатеринбургского собора о.Дмитрий Пономарей, избравший темой чтения повесть из жизни первых христиан «Два мира»

В антрактах пел хор архиерейских певчих под управлением регента М. В. Баталова. А в конце чтений хор исполнил «Боже царя храни» «Гимн был покрыт долгим несмолкаемым «ура» и был повторен дважды. Публики присутствовало до полутора тысячи человек. Помещение театра было переполнено» [16, с. 1159].

В этом же году 13 декабря в концертном зале театра Обухова в присутствии Его Преосвященства состоялась лекция, предназначенная для интеллигентной части жителей г. Екатеринбурга. Лектором был законоучитель мужской гимназии священник Николай Буткин. Для своего выступления он избрал тему «Богоборчества» на примере образа Ивана Карамазова. В перерыве, а также в начале и конце чтений хором архиерейских певчих было исполнено несколько музыкальных произведений церковных композиторов.

В этой епархии в 10-е гг. XX в. активное участие в устройстве лекций для интеллигенции и публичных чтений для простого народа принимало «Екатеринбургское общество хоругвеносцев». Для этих целей общество приобрело волшебный фонарь новейшей конструкции с двумя лампочками - электрической и спиртокалильной и 148 картин. Общество хоругвеносцев устраивало чтения не только в Екатеринбурге, но и Верх-Исетском заводе, Уктусе... «Екатеринбургские епархиальные ведомости» в 1913 г. по этому поводу писали: «Интерес к чтениям был огромный и желающих всегда было больше, чем размеры залов, и целым сотням людей приходилось отказываться...» [17, с. 50-51].

«Екатеринбургские епархиальные ведомости» с гордостью писали о том, что внебогослужебные религиозно-нравственные чтения успешно «конкурируют» со светскими массовыми формами досуга в г. Екате-

ринбурге. «13 января 1913 года в зале Екатеринбургского русского музыкального общества в присутствии Его Преосвященства Митрофана состоялись чтения... Зал был полон, несмотря на то, что в этот вечер в городе было в изобилии развлечений.... Казалось бы, где взять публику для скромного народного чтения, устраиваемого Братством Святого Симеона? Полный зал говорит, как необходимы эти чтения, как соответствуют они потребностям широких слоев населения» [18, с. 86].

Таким образом, в решении вопроса социализации, а именно повышения уровня нравственности Уральского православного населения конца XIX-начала XX вв. особое место играли внебогослужебные религиозно-нравственные чтения. Состав слушателей был разнородным. В него входили интеллигенция, купечество, чиновники, рабочие и др. Отдельную категорию составляли старообрядцы. Доступность проведения чтений, а именно проведение их не только в храмах, но и местных школах, волостных правлениях, сельских управах, общественных избах, а также выбранная форма проведения – беседа с людьми – привлекала население. Внебогослужебные религиозно-нравственные чтения завоевали большую популярность у православных и получили «прописку» в повседневной жизни населения Урала, став самой массовой формой церковного просвещения, способствующей повышению уровня нравственности населения.

Список источников

1. Пташко Т.Г., Черникова Е.Г. Система социального образования студента в условиях педагогического процесса вуза // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2017. № 4. С. 95–100.
2. Пташко Т.Г. Социализация личности подростка в условиях детского общественного объединения: автореферат. Челябинск. 2012. 161 с.
3. Социальная педагогика [Текст] учебник и практикум / Н.П.Артемьева, В.Ф.Жеребкина, Е.В.Моисеева, Т.Г.Пташко, С.В.Рослякова, Н.В.Сиврикова, Т.П.Скребцова, Е.Г.Черникова, А.А. Шевченко. М.: Юрайт, 2017. Сер. 11 Университеты России. 309 с.

4. Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1883. № 8.
5. Оренбургские епархиальные ведомости. 1883. № 4.
6. Оренбургские епархиальные ведомости .1883. № 2.
7. Оренбургские епархиальные ведомости. 1884. № 1.
8. Оренбургские епархиальные ведомости. 1888. № 8.
9. Оренбургские епархиальные ведомости .1889. № 4.
- 10.Оренбургские епархиальные ведомости.1900. № 1.
- 11.Оренбургские епархиальные ведомости. 1900. № 24.
- 12.Оренбургские епархиальные ведомости .1896. № 8.
- 13.Екатеринбургские епархиальные ведомости.1901. № 10.
- 14.Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1897. № 21.
- 15.Екатеринбургские епархиальные ведомости .1902. № 2.
- 16.Екатеринбургские епархиальные ведомости .1903. № 7.
- 17.Екатеринбургские епархиальные ведомости.1911. № 50.
- 18.Екатеринбургские епархиальные ведомости.1913. № 2.

8. Негативные явления повседневной жизни молодежи Урала во второй половине XIX – начале XX в.

После отмены крепостного права и проведения либеральных реформ 1860-х – 1870-х гг. в бытовой культуре России произошли существенные изменения. Развитие промышленности вело к росту грамотности, постепенному разрушению патриархально-крепостнических основ быта уральцев. Рост городов и городского населения, развитие капиталистического производства в последней четверти XIX – начале XX в. меняли повседневную бытовую жизнь населения Урала. Наряду с положительными, в быту наблюдались и негативные тенденции, в числе которых – алкоголизация и криминализация молодежи.

Одной из серьезнейших проблем, стоявших тогда перед обществом, было прогрессирующее пьянство как среди взрослых, так и среди трудящейся молодежи. Это подтверждают следующие данные: в Пермской губернии с 1895 по 1905 г. потребление спиртного на душу населения увеличилось на 61,7 %, в целом по России за тот же период рост составил 56,7 % [1].

В 1898 г. из 40 губерний, где была введена казенная монополия на торговлю спиртным, по суммам, уплачиваемым за выпитое, Пермская занимала третье место, уступая лишь Санкт-Петербургской и Херсонской губерниям [2].

По разным данным, в первое десятилетие XX в. жители России пропивали от 700 млн до 1 млрд руб. в год, что составляло около 1/4 бюджета страны [3].

От общего количества случайных смертей в 1890-е гг. на смерти от упоя в разных районах Российской империи приходилось от 20 до 40 %. К 1910 г. от алкоголя ежегодно погибало около 200 тыс. чел. [4]

Это подтверждают и данные архивов. Например, на Мотовилихинском заводе рабочие пропивали более 1/4 заработка. На Шайтанском, Верхне-Тагильском, Сылвенском, Сысертском заводах, предприятиях Верхотурья и Нижне-Туринской волости работники тратили на спиртное значительную часть своего дохода [5].

В этом отношении Уральский регион вполне сопоставим с югом России, где дни получения жалованья считались праздником [6].

Такое поведение было характерно не только для взрослых. Аналогичные тенденции местная пресса отмечала у рабочей молодежи Урала [7].

Характерно описание семьи в одном из заводских поселков Оханского уезда: отец преклонных лет вынужден сам зарабатывать на жизнь, а молодой сын занимается домашней работой, так как «на волю нельзя отпускать, все пропивает» [8].

Ежегодно на Урале на почве пьянства возникали беспорядки среди призывников. Небольшие размеры штрафов не могли остановить дебоширов. По этой причине исправник Чермозского завода вместо месячного отпуска после принятия присяги сразу сдавал новобранцев военному начальству, а волостное начальство заставляло буянов мести улицы. Хуже этого наказания трудно было придумать, так как дебошир оказывался на виду у всех прохожих [9].

О широком распространении пьянства среди молодежи Оренбурга свидетельствует письмо священника Покровской церкви И.К. Шильнова епископу уральскому Антонию. Он писал, что парни и девушки Старой Слободы, напившись, непристойно вели себя на улицах города [10]. В Шадринском уезде нередко можно было встретить подростков 15–16 лет «с гармошками под мышкой, пьяных и бахвалящихся» [11].

Появление на улице пьяным в их среде считалось «явлением не позорным» [12]. Особенно сильно этот порок проявлялся в праздничные дни. Как тогда говорили, «трехдневный праздник – семидневное пьянство» [13]. Рождество 1900 г. в г. Нижнем Тагиле «было отмечено двумя жестокими междоусобными схватками между молодежью с Ключей и Выи» (так называли городские районы (примечание автора). Дрались лопатами, кайлами и тому подобными орудиями» [14].

Картина, когда в праздничные дни кабаки, трактиры и улицы наполняла пьющая молодежь 13–20 лет, была характерной для большинства заводских районов Урала. Пьяный разгул и сопровождавшие его драки, нецензурная брань, дебоши и другие антиобщественные поступки являлись неотъемлемой чертой социально-психологического об-

лика рабочей молодежи региона. Поэтому при характеристике молодых рабочих в те годы часто употреблялись выражения «шальная», «отпеченная», «бесшабашная голова».

О том, насколько остро стояла проблема пьянства среди молодежи, свидетельствует обеспокоенность общественности судьбами молодого поколения. Вот что писала в 1895 г. «Екатеринбургская неделя»: «Эти 13–15-летние пьяные мальчишки, идущие с сигарками в зубах, – будущие пьяницы. Большинство пьющих людей привыкают к спиртному в детском возрасте» [15].

Государство не оставалось безучастным к этому негативному явлению. О запрете отпускать вино малолетним свидетельствует принятый в 1892 г. «питейный» закон [16].

Пермский губернатор в 1908 г. специальным постановлением за отпуск спиртного малолетним и допуск их в питейные заведения определил штраф в 3 тыс. руб. или арест до трех месяцев [17].

Органы местного самоуправления и общественность также активно боролись с пьянством. В столице среди инженерно-технических работников, рабочих, в том числе молодых, зрело понимание пагубности злоупотребления спиртными напитками. Здесь в 1907 г. рабочими был создан Союз борьбы с пьянством. Столичная инициатива была подхвачена и на Урале. Так, на Богословском заводе было создано Товарищество активной борьбы с пьянством. В него вступили работники токарно-слесарного, литейного и электротехнического цехов, в том числе молодые. По решению администрации завода и Товарищества за употребление спиртного на заводе в первый раз работник лишался работы на 10 дней, во второй раз – на две недели, в третий – на месяц, в четвертый – увольнялся с работы. Результатом стало снижение количества прогулов и увеличение зарплаты. Мастерские Сысертского завода просили Третью Государственную думу закрыть местную винную лавку, а вместо нее открыть двухклассное училище [18].

На Урале органы самоуправления различных уровней также вели активную борьбу с пьянством среди молодежи. Например, земство, видя рост потребления пива среди подрастающего поколения, выступило за необходимость широкой пропаганды здорового образа жизни. А съезд

гласных Екатеринбургского уезда предложил повысить цены на алкоголь, а разницу потратить на общественные нужды [19].

По сообщениям уральских газет, сельские сходы повсеместно принимали постановления о закрытии винных лавок, запрете шинкарства (тайная продажа спиртного (примечание автора), продажи спиртного малолетним и содержания притонов для них. На Мотовилихинском заводе сход постановил вместо пяти винных лавок оставить одну, обложив ее акцизом 20 коп. с ведра в пользу школьного фонда [20].

Наряду с появившимися новыми формами борьбы с пьянством действовали и старые. Они, как правило, находились в арсенале администрации уральских предприятий и носили репрессивный характер, причем многие владельцы промышленных предприятий и управленцы считали, что это единственно правильная форма борьбы с данным пороком [21].

Так, на Верх-Исетском заводе администрация вынуждена была объявить, что вследствие растущего пьянства и участвовавших по его причине прогулов будут вводиться штрафы, а за три прогула без уважительной причины виновные будут увольняться [22].

Несмотря на совместные усилия государства, владельцев и администрации промышленных предприятий, органов местного самоуправления и общественности по борьбе с этим социальным злом, ощутимых результатов добиться не удалось. Склонность к чрезмерному употреблению спиртного в исследуемый период оставалась характерной чертой морального облика значительной части рабочей молодежи Урала. Причины этого, по нашему мнению, были в следующем.

Во-первых, перед глазами был негативный пример старшего поколения в семейно-бытовых отношениях. Пьянство, сквернословие, табакокурение прививались прямо с детских лет. Часто отцы нисколько не стеснялись присутствия детей ни в ругани, ни в пьянстве.

Во-вторых, приобщению молодых рабочих к спиртному с ранних лет немало способствовала одна из специфических черт семейно-бытового уклада уральских рабочих – широкое употребление в пищу спиртных напитков домашнего изготовления. Так, на Дедюхинском заводе рабочие водке предпочитали брагу. Она делалась из овсяной муки

и была весьма питательной. Ее нередко употребляли в качестве первого блюда. В Соликамском и Оханском уездах брагой питались и взрослые, и дети [23]. А пермяцкое население давало брагу даже грудным младенцам [24].

В-третьих, отрицательное воздействие на нравственный облик юношей и девушек оказывало многочасовое общение со взрослыми в процессе производства. Молодые стремились быть похожими на взрослых рабочих, которые заслуживали подражания как профессионалы, но в нравственном отношении не всегда являлись положительным примером. Молодые рабочие старались быть на равных со взрослыми и в пьянстве, сквернословии, причем такое стремление молодежи далеко не всегда осуждалось взрослыми работниками и даже часто поддерживалось ими. Считалось, что так и должно быть, ведь в свое время они сами прошли эту «школу взросления».

В-четвертых, тяжелые производственно-бытовые условия, низкая зарплата, плохое питание способствовали быстрому переутомлению и истощению физически не окрепшего организма молодого рабочего. В этих условиях спиртное становилось своеобразным средством, снимающим стрессовое состояние. Недаром в те годы у рабочих было расхожим выражение: «До смерти работаем, до полусмерти пьем».

В-пятых, органы местного самоуправления, работники органов народного образования, общественность лишь с последней четверти XIX в. стали активно заниматься организацией досуга рабочей молодежи.

Результатом пьянства часто были противоправные действия молодых людей. В последней четверти XIX – начале XX в. в России наблюдалась тенденция к росту преступности. Так, по данным полиции, количество случаев нарушения закона с 1874 по 1913 г. возросло с 93,1 до 313,1 тыс. (в 3,3 раза) [25].

О том, какое место в динамике преступности занимало молодое поколение, свидетельствуют следующие данные. В 1880 г. в целом по России насчитывалось 71 047 осужденных, из них на Урале – 7 163. Лица в возрасте от 14 до 25 лет составляли 20 847 чел. от общего показателя, на Урале – 1 804 чел. В 1910 г. осужденных в целом по России

насчитывалось 174 725, на Урале – 10 806. Из них молодых людей в возрасте 14–25 лет в целом по России насчитывалось 59 596, на Урале – 3 360. Итого за 30 лет прибавилось: всего осужденных по России – 103 678 чел., на Урале – 3 543. Из них лица в возрасте от 14 до 25 лет составляли 38 749 чел. по России, 1 556 на Урале. Таким образом, общее количество преступников за 30 лет выросло в целом по стране на 145,9 %, на Урале – на 50,8 %. Среди молодежи от 14 до 25 лет этот рост составил в стране 185,8 %, на Урале – 86,4 %. Итак, и в стране в целом, и в крае в частности динамика молодежной преступности обгоняла взрослую более чем на 1/3 [26].

Особенно заметный рост молодежной преступности на Урале в этот период наблюдался в Оренбургской губернии: количество несовершеннолетних преступников увеличилось здесь почти в 10 раз [27]. Однако, несмотря на рост количества преступлений, совершаемых молодежью, их процент от общей массы преступников изменился незначительно. Об этом свидетельствуют следующие данные: в 1880 г. осужденных окружными судами в целом по России насчитывалось 28,2 %, в 1910 г. – 31,8 %; на Урале, соответственно, – 25,3 и 31,0 %. Осужденных мировыми судами и съездами в 1880 г. по России в целом насчитывалось 30 %, в 1910 г. – 36,3 %; на Урале – 25,0 и 31,1 % соответственно. Итого в среднем по России в 1880 г. доля преступников составляла 29,1 %, в 1910 г. – 33,5 %; на Урале в те же периоды – 25,1 и 31,1 % соответственно. Это, на наш взгляд, объясняется общим значительным ростом преступности в стране во всех возрастных группах. Также данные свидетельствуют, что доля преступников в возрасте 14–25 лет в общей массе осужденных возросла в целом по России на 4,4 %, в Уральском регионе – на 6 %. В 1910 г. она составляла, соответственно, 31,1 и 33,5 %. Таким образом, на долю молодежи приходилось почти каждое третье преступление [28].

Половая дифференциация молодых преступников как в стране, так и в регионе была примерно одинаковой. В 1890 г. от общего числа несовершеннолетних преступников, осужденных мировыми судьями и съездами, девушки в уральских губерниях составляли 10,1 %, в Московской и Санкт-Петербургской губерниях – 9,1 и 11,6 % соответственно; в

целом по России – 12,2 %. Каждое десятое преступление совершалось девушками. При этом женская среда криминализировалась быстрее, чем мужская. Это хорошо видно на примере несовершеннолетних (в возрасте до 21 года) преступниц. По нашим подсчетам, за 30 лет (с 1880 по 1910 г.) девушек-преступниц стало больше на 88,6 %, а юношей – на 78,8 % [29].

В возрастной структуре молодежной преступности можно выделить две основные группы: несовершеннолетние (14–20 лет) и совершеннолетние (21–25 лет). Распределение правонарушений между этими возрастными группами таково: на Урале с 1880 по 1910 г. несовершеннолетними совершалось преступлений в среднем на 11,8 % больше, чем совершеннолетними. Такая же картина наблюдалась и в целом по России, хотя разрыв здесь был более значительным – 20,2 %. Наш анализ позволяет отметить и омоложение преступности. Количество преступлений, совершенных юными (14–20 лет), в стране и регионе возросло на 6,4 и 5,7 % соответственно, составив 56,9 и 60,1 % [30].

В исследуемый период существовало несколько видов преступлений: «против веры и ограждающую оную постановлений; государственных; против верховной власти и против Священной особы императора и Членов Императорского дома; против прав семейственных; против имущества и доходов казны» и др. С 1874 по 1913 г. в 6,5 раза возросло количество преступлений «против жизни, здоровья и чести частных лиц». К преступлениям этого вида относились грабежи, разбои, убийства, тяжкие телесные повреждения. В 1880-е гг. на Урале сложилась непростая криминогенная обстановка. По данным «Екатеринбургской недели», Урал в этот период по количеству совершенных убийств занимал лидирующие позиции среди регионов страны. По количеству убийств на 100 тыс. населения первое место делили Оренбургская и Пермская губернии [31].

Убийства в ряде уральских местностей стали обыденным явлением. В основном их совершали, как писала газета «Уральская жизнь», «рабочие молодых возрастов» [32].

Характерным является следующий пример. В 1900 г. на Каслинском заводе в пьяной драке один 15-летний подросток палкой забил

на смерть другого. В аналогичной ситуации в этом же году смертельный удар поленом по голове получил 19-летний рабочий Юговского завода Гаврилов [33]. Эти факты подтверждаются показателями: количество убийств, совершенных несовершеннолетними Пермской губернии, с 1885 по 1910 г., утроилось [34].

Еще одним распространенным видом нарушения закона было нанесение тяжких телесных повреждений. Количество несовершеннолетних пермяков, осужденных за «нанесение увечий, ран и повреждений здоровью», с 1880 по 1914 г. увеличилось более чем в 10 раз. Так, 13 октября 1891 г. в Екатеринбурге пятеро мастеровых парней во время драки нанесли побои и раны крестьянину Вятской губернии И.П. Шишкину [35].

Грабежи и разбои, совершаемые рабочей молодежью, также были весьма частым явлением. О серьезности проблемы свидетельствуют следующие факты. В гг. Кунгуре и Челябинске, с. Мотовилиха местные власти были вынуждены выставлять вооруженные патрули и совершать обходы в целях предотвращения грабежей. На Мотовилихинском заводе такие патрули нередко подвергались нападениям со стороны рабочей молодежи [36].

И среди взрослых, и среди молодежи основным преступлением были кражи, которые в 1910 г. во всех судебных инстанциях России дали более половины осужденных. Среди молодежи этот показатель составлял 65,4 %. Среди девушек он достигал 84,9 %. По нашим подсчетам, каждая вторая-третья кража в стране совершалась лицами 14–25 лет. Уральский регион не был исключением. В Пермской губернии в 1880 г. 45,5 % от общего количества несовершеннолетних преступников были осуждены за кражу. К 1914 г. количество краж здесь выросло в 1,8 раза [37].

Судебная власть не проявляла снисхождения к несовершеннолетним преступникам. Так, 26 октября 1907 г. в г. Перми был вынесен смертный приговор 20-летнему рабочему Ижевского завода за убийство пристава. В г. Екатеринбурге 23 марта 1908 г. были приведены в исполнение смертные приговоры 19-летнему Вячеславу Кругляшеву за убий-

ство агента охранного отделения и 18-летнему Николаю Бочкареву за вооруженное ограбление и убийство кассира Невьянского завода [38].

Причины криминализации молодежи были следующие. Во-первых, отмена крепостного права и др. реформы, которые, с одной стороны, сделали население географически и социально мобильным, породили в людях чувство собственного достоинства и желание отстаивать его во что бы то ни стало, а с другой, дав простор для становления личности и частной инициативы, – способствовали проявлению девиантного поведения во всех его видах, в том числе криминальном.

Во-вторых, в конце XIX – начале XX в. в стране еще только создавалась система организации досуговой деятельности молодежи. Достаточно часто морально-духовный вакуум молодые уральцы заполняли азартными играми, пьянством, чтением низкопробной литературы, что, в свою очередь, порождало жестокость и насилие в их среде.

В-третьих, раннее начало трудовой деятельности, экстремальные условия труда, нехватка средств к существованию и невысокий уровень культуры рабочей молодежи служили причинами ее криминализации.

В-четвертых, через Урал в Сибирь шли большие миграционные потоки. Среди переселенцев и в первую очередь среди молодых людей было много таких, кто не отличался высокими моральными устоями.

Итак, в повседневной жизни рабочей молодежи Урала во второй половине XIX – начале XX в. наблюдались негативные явления: алкоголизм, кражи, грабежи. В борьбе с ними применялись порой жесткие способы наказания.

Список источников

1. Крупянская В.Ю., Полищук Н.С. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала (кон. XVIII – нач. XX веков). М. 1971, с. 133.
2. Пермская земская неделя. 1907. 18 октября; Там же, 1910. 8 января.
3. Сборник Пермского земства. 1910. № 2, с. 16; Пермская земская неделя. 1908. 3 января.
4. Екатеринбургская неделя. 1891. 18 августа; Сборник Пермского земства. 1910. № 2, с. 16.
5. ГАПО Государственный архив Пермской области. Ф. 276, оп. 2, д. 10, л. 19; Топорков А.А. О Васильевско-Шайтанском заводе. — Сборник

- сведений о Пермской губернии. Пермь. 1892. Т. 1, с. 233.; Пермская земская неделя. 1910. 15 января.
6. Горный журнал. 1884. № 10, с. 104.
7. ГАПО. Ф. 276, оп. 2, д. 10, л. 19; ТОПОРКОВ А.А. О Ук. соч., с. 17; Пермская земская неделя. 1910. 15 января.
8. Пермская земская неделя. 1909. 1 октября.
9. РГИА. Российский государственный исторический архив Ф. 1282, оп. 3, д. 217, л. 6; Пермская земская неделя. 1909. 26 ноября; Там же, 1910. 1 января.
10. ОГАЧО. Объединенный государственный архив Челябинской области. Ф. 874, оп. 2, д. 30, л. 1–4об.
11. Пермская земская неделя. 1907. 27 сентября; Там же, 1908. 24 июля.
12. ГАПО. Ф. 65, оп. 1, д. 62, л. 4.
13. Там же, д. 255, л. 12об.
14. ГАСО. Государственный архив Свердловской области. Ф. 519, оп. 1, д. 50, л. 15.
15. Екатеринбургская неделя. 1895. 29 января.
16. Пермская земская неделя. 1896. 9 августа.
17. Там же.
18. Там же, 1907. 11 октября; Там же, 1907. 18 октября; Там же, 1908. 20 марта.
19. Екатеринбургская неделя. 1891. 8 сентября; Там же, 1891. 4 февраля; Пермская земская неделя. 1907. 10 мая; Там же, 1907. 1 ноября; Там же, 1908. 17 января; Там же, 1909. 15 января; Там же, 1909. 19 февраля; Там же, 1909. 9 апреля.
20. Пермская земская неделя. 1907. 29 марта.
21. ГАПО. Ф. 65, оп. 1, д. 62, л. 4.
22. Пермская земская неделя. 1907. 18 октября.
23. Там же, 1909. 24 декабря; Там же, 1910. 12 февраля.
24. ГАПО. Ф. 65, оп. 1, д. 62, л. 4об.
25. Миронов Б.И. Преступность в России в XIX – начале XX в. — Отечественная история. 1998. № 1, с. 35.
26. Статистические данные по делам уголовным, производившимся в 1880–81 годах. СПб. 1885. Ч. 2, с. 62–63; Там же, ч. 3, с. 6–9; Статисти-

ческие данные по делам уголовным, производившимся в 1910 году. СПб. 1913. Ч. 1, с. 56–59.

27. Справочная книжка по Оренбургской губернии на 1884 год. Оренбург. 1884, с. 222–223; Адрес-календарь и справочная книжка по Оренбургской губернии на 1910 год. Оренбург. 1910.

28. Свод статистических данных по делам уголовным, производившимся в 1880–1881 годах. СПб. 1883. Ч. 3, с. 6–9; Там же, ч. 2, с. 8–12.

29. Свод статистических данных по делам уголовным, производившимся в 1890 году. СПб. 1895. Ч. 3, с. 2–3; Свод ... по делам уголовным, производившимся в 1880–1881 годах, ч. 3, с. 6–9; Свод статистических данных по делам уголовным, производившимся в 1910 году. СПб. 1911. Ч. 2, с. 8–12.

30. Свод ... по делам уголовным, производившимся в 1880–1881 годах, ч. 3, с. 6–9; Свод ... по делам уголовным, производившимся в 1890 году, ч. 3, с. 5–6; Свод ... по делам уголовным, производившимся в 1900 году, ч. 3, с. 12–16; Свод ... по делам уголовным, производившимся в 1910 году, ч. 2, с. 8–12.

31. Справочная книжка по Оренбургской губернии на 1884 год..., с. 227.

32. Екатеринбургская неделя. 1886. 7 мая.

33. Справочная книжка по Оренбургской губернии на 1884 год..., с. 227.

34. ГАПО. Ф. 65, оп. 1, д. 51, л. 83, 83об., 84; Обзор Пермской губернии за 1910 год. Пермь. 1911, с. 46.

35. Екатеринбургская неделя. 1891. 21 октября.

36. ГАПО. Ф. 65, оп. 1, д. 123, л. 377, 377об., 378, 378об.; Ф. 276, оп. 2, д. 10, л. 87; Гарвельд В. Каторга и бродяги Сибири. М. 1902, с. 20.

37. ГАПО. Ф. 65, оп. 1, д. 46, л. 60, 62, 63 и об.(оборот только к листу 63, обороты указываются к каждому листу отдельно всегда) 64; Обзор Пермской губернии за 1914 год. Пермь. 1915, с. 46–47.

38. Пермская земская неделя. 1907. 8 ноября; Там же, 1908. 3 апреля.

9. Молодежный алкоголизм

Преобразования социально-экономической сферы России в условиях современности затрагивают все области человеческой жизнедеятельности. Наряду с положительными изменениями, в обществе усилились и негативные тенденции, проявляющие себя в снижении приоритета духовных ценностей, усилении психологической деформации личности, социальной дезадаптации и др. Данная ситуация неблагоприятного воздействия социальных факторов обусловила рост такого опасного для молодежи и общества в целом явления, как алкоголизация. Нарастающая тенденция непрерывного роста употребления молодыми людьми алкоголя ставят перед обществом, конкретными специалистами задачу поиска направлений профилактической работы, т.е. устранение условий, которые опосредовано или напрямую оказывают отрицательное воздействие на поступки. Для более успешного решения данного вопроса в условиях современности необходимо обратиться к историческому наследию, проследить, как рассмотрение этой проблемы было поставлено ранее, насколько успешны были пути преодоления асоциального недуга. Нашей целью является анализ причин и направлений деятельности по разрешению проблемы алкоголизации среди молодежи конца XIX и начала XX в. Прежде всего, необходимо посмотреть уровень употребления алкоголя молодежью в исследуемый период.

Во второй половине XIX века правительство, церковь, органы местного самоуправления и общественность были весьма обеспокоены усиливающимся пьянством, охватившим практически все социальные слои российского общества. Урал не был исключением. Местная печать писала: «Урал несчастный край, где население практически ски голодает, ибо земля не кормит. Но зато как там пьют» [12,0.28].

Помимо либеральной прессы, писавшей о народном пьянстве, на это указывала и епархиальная печать. Газетные материалы буквально пестрили такими выражениями, как «народный недуг», «народная нетрезвость», «одно из безобразий», «зло, которому нет границ», и т.п. Встречающееся же в них выражениях слово «народный» также свидетельствовало о размахе данного негативного явления в обыденной жизни

населения Уральского края.

Пьянство процветало не только в уездных городах Уральского региона, но и в его заводских поселениях. Например, В газете «Екатеринбургская неделя» писали: «еще немного лет назад на улицах Добрянского завода было сравнительно тихо, приезжий не рисковал натолкнуться на картины безобразного пьянства». Теперь же «слышатся нетрезвые песни не только мужских, но и женских голосов. Подрастающее поколение не отстает от взрослых» [1, с. 723]. «Екатеринбургские епархиальные ведомости» приводят любопытные сведения: «пьянствуют люди с достатком, пьянствуют бедняки, пропивая последнюю копейку, добытую потом и кровью... Дети, глядя на своих родителей, тоже пьянствуют» [6, с. 788, 789].

Таким образом, можно сделать заключение о том, что, проблема алкоголизма в исследуемый исторический период стояла остро, являлась важной и актуальной для своего рассмотрения и решения.

Проанализируем причины этого негативного явления повседневной жизни. На основе анализа научных публикаций, высказываний и обращений представителей «образованного общества» покажем, почему уральский простолудин злоупотреблял спиртными напитками.

Во-первых, это наличие питейных заведений, распространение алкоголизма на определенной территории, что влияло на распространение явления алкоголизации и среди молодежи. Вот наглядный пример пьянства в заводском поселке, связанный с конкретным событием обыденной жизни заводчан. В Верхнеуральском заводе ежегодно в сентябре в течение трех дней действовал местный Торжок. Традиционно он проходил так, как его описала «Екатеринбургская неделя» в 1893 году. «Торжок, начавшийся 8 сентября... сопровождался безмерным пьянством и драками..., все население с приезжими... придается широкому разгулу и доходит до совершенного озверения от водки. Стоит только сравнить те сотни ведер водки, которые выпиты в три ярмарочных дня, с теми «обновками», приобретенными на Торжке и взглянуть на те толпы, которые целые ночи режут, стонут и, производя «мордобитие», можно даже сказать о вреде таких ярмарок» [2, с. 802]. Молодежь, подражая поведению взрослых, также приобщалась к распитию спиртных

напистков. Далее это ошибки родителей в воспитании детей, приводившие к пьянству подростков и молодежи. Было обычным явлением, когда родители сами пили на глазах своих детей, подавая тем самым дурной пример. В частности, в 1893 году об этом печальном явлении на Сы- сертском заводе с тревогой писали «Екатеринбургские епархиальные ведомости». За последнее время «предались непомерному пьянству молодые ребята и женщины». По мнению автора статьи, женщины пьют оттого, что они управляют только одно свое хозяйство, на стороне нигде не работают, мелкая ремесленность не развита и свободного времени у женщин много» [7, с. 1066]. Поскольку семья способствует социализации личности, т.е. освоению социальных норм, правил поведения, социальных ролей [13, с. 179], то ошибки родителей в воспитании детей приводили к пьянству подростков и молодежи. А часто родители шли еще дальше. Они заставляли детей, даже совсем маленьких, прикладываться к рюмке. Затем, с большим интересом наблюдали за акцией своих пьяных детей, потешаясь над их безудержным сквернословием и подражанием пьяным безобразиям старших. Многие родители-простолюдины не видели большого вреда от раннего пристрастия своих детей к вину.

То же наблюдалось и в семьях инородцев. И в те годы имела место еще одна распространенная ошибка родителей. Они часто не обращали внимание на то, что у сыновей плохие друзья, которые и склоняли их к пьянству. Это и отрицательные черты русского национального характера, которые были присущи и жителям Уральского региона. Неумение управлять собой, когда дело касалось выпивки, соблюдать умеренность в употреблении спиртного [5, с. 76].

Одной из причин можно обозначить низкий образовательный и культурный уровень «простого народа». В частности и отсутствие на Урале четко налаженной и постоянно функционирующей досуговой системы. В губернских и уездных городах данная система только создавалась. И все же, городской обыватель в воскресенье и праздничные дни мог пойти в библиотеку, театр, цирк, послушать музыку, пение в исполнении приезжих знаменитостей, сходить на спектакль, послушать хоровое церковное пение, посмотреть скачки на ипподроме, посещать занятия в

воскресной школе и т.п. В гораздо худшем положении были крестьяне. Ведь в сельской местности как таковой досуговой системы практически не было. Например, домашним чтением они могли заниматься при условии, если близко проживали от церкви, а в церкви была библиотека. Большие церковно-приходских школ не имели библиотек для домашнего чтения. Большой редкостью еще были и небогослужебные чтения для сельских жителей. Правда, крестьяне имели возможность "справлять" церковные, общегосударственные и местные праздники. Это было своеобразным проведением досуга. Данная форма досуга не предполагала употребления спиртных напитков. Но это было в теории. Прихожане и большинство своем считали, что в праздники и воскресные дни большого «греха» не будет, если они пропустят одну-другую рюмку вина. Безусловно, и хорошо отлаженная система досуга полностью решить проблему пьянства не могла. Но она все же какую-то часть горожан могла «отвлечь» от кабака, предоставив ему возможность разумного проведения своего свободного времени. Духовенство Оренбургской и других губерний Урала отмечало, что "духовная неразвитость и необразованность являются одной из основных причин пьянства большей части населения"[9, с. 172].

Общественное мнение не всегда осуждало пьянство. Пьянство не осуждалось обществом, когда юноши, призванные в армию, начинали прощаться с гражданской жизнью. Иногда эта процедура затягивалась на несколько недель. Вот что по этому поводу с осуждением Писали «Оренбургские епархиальные ведомости» в 1912 году: «Сказать правду, и сами родители потворствуют ребятам: «Пущай, дескать, погуляют перед царской службой», все шло по дурной традиции... В последние дни перед отправкой на службу ребят ведут из двора во двор все родни, знакомые и товарищи. Причем, спаивают до полусмерти; рекруты не в состоянии сами идти без посторонней помощи..., их обыкновенно ... и под руки по улице села, а за ними толпа... оплакивающих"»[8, с. 107].

Таким образом, проанализировав ситуацию периода конца XIX - начала XX веков, можно выявить следующие причины алкоголизации молодежи. Во-первых, это объективные общие причины - распространение явления в регионе, питейные традиции и семейный алкоголизм.

Вместе с тем, хотелось бы отметить, что в конце XIX века выделяется еще одна причина - наличие большого объема свободного времени у молодых людей. Это как следствие, приводит к злоупотреблению молодежью алкоголем. Следовательно, в решении проблемы сегодня должны учитываться данные обстоятельства, а именно в рамках государственной политики необходимо решение вопросов распространения алкоголя, отдельная работа должна проводиться с семьей, а также должен подниматься вопрос обеспечения занятости подрастающего поколения положительно направленными видами деятельности.

Проанализируем, насколько учитывались эти факторы в конце XIX века, приводили ли они к решению вопроса, и применимы ли данные методы в современных условиях.

Во-первых, Российское правительство, Святейший Синод, епархии, органы местного самоуправления, видя, какой размах приобретает народное пьянство, в течение 80-90-х годов XIX века приняли ряд законов, указов, распоряжений, направленных на борьбу с этим массовым негативным явлением. Например, соблюдение питейного закона, запрещавшего отпускать вино «малолетним», в ряде мест давали положительные результаты. Если раньше на Шуралинском заводе нельзя было появиться на улице, «не рискуя подвергнуться оскорблениям пьяной, разгульной молодежи, то теперь молодежь была настолько трезва, что кажется нынче меньше пьяных, чем в голодный 1891» [10, с. 197; 11, с. 353].

В конце XIX века вопросы вреда алкоголя поднимали в своих проповедях священники. Так, состоявшееся в Казани в июле 1885 года региональное собрание архиепископов, где активно участвовали и руководители епархий Урала, большое внимание уделило «народному недугу». Священникам были даны следующие рекомендации: увеселительные заведения и места пьяных сборищ должны быть закрыты, «пьянству могут успешно противостоять небогослужебные чтения для сельского, и городского населения – «чтения для народа» [3, с. 276].

Действительно, во многом благодаря православной церкви в 80-90-е годы XIX века был накоплен опыт, найдены интересные методы работы и первые результаты успешной деятельности по профилактике алко-

лизма среди молодежи.

Свидетельством тому появились новые организационные формы - Всероссийские съезды по борьбе с пьянством. Так, Второй съезд, проходивший в Москве в августе 1912 года, вошел в историю как Всероссийский съезд практических деятелей по борьбе с народным пьянством. На съезде большая роль в борьбе с пьянством отводилась школе. По этому поводу говорилось так: съезд признает потребление спиртных напитков детьми школьного возраста вполне доказанным; школьникам сообщать систематические сведения о вреде алкоголя и его влиянии на детский организм; сообщение этих сведений должно именоваться «наукой трезвости». Ее следует считать особым, самостоятельным, школьным предметом, как учебную дисциплину ввести во всех учебных заведениях, готовивших преподавателей. Внешкольная просветительская деятельность педагогического персонала в деле антиалкогольной работы может выражаться в образовании выставок, публичных чтений и бесед, учреждений обществ ревнителей трезвости из взрослых (с 16 лет); лица, предлагающие алкогольные напитки детям, должны караться штрафом.

В решении съезда по разделу «Литературная научная борьба» предлагалось: «устраивать книжные склады, летучие библиотеки-читальни, антиалкогольные музеи; распространять среди инородцев на их родном языке антиалкогольные брошюры и картины; назначать особых книгонош для раздачи антиалкогольной литературы на ярмарках, в больших городах и селах, на станциях и в вагонах железных дорог, ввиду отсутствия в русской народной литературе истинно художественных песен и других литературно-антиалкогольных произведений лучшим русским литературным силам взять на себя заботу дать народу такие произведения, которые бы наглядно показывали весь позор пьянства» [8, с. 1045-1051].

Это нашло отражение и в конкретной деятельности. А именно широко использовались в борьбе с пьянством возможности церковно-приходских школ. Обычно священник был в ней не только преподавателем своего предмета, но и школьным воспитателем. Он регулярно проводил беседы на разные житейские темы, в том числе о вреде пьян-

ства. В ряде церковно-приходских школ под руководством священника создавались детские общества трезвости. В общества трезвости для взрослых наряду с мужчинами вступали женщины, молодежь и даже дети. Например, вот каким был состав общества трезвости в Камышлевском селе Камышловского уезда, созданного после 13 успешно прочитанных с церковной кафедры поучений против пьянства священником Евлампием Бирюковым. В обществе было 111 человек, из них 43 сильно и малопьющих мужчин, 34 женщины, 10 юношей и детей 24 человека [4, с. 131].

В условиях современности мы находим подобные пути решения проблемы. Так, это и рассмотрение вопроса на международном и государственном уровнях: принятие Всемирной организацией здравоохранения «Глобальной стратегии по снижению злоупотребления алкоголем», ФЗ «Закон о рекламе». Большую роль в профилактике алкоголизма должно играть образовательное учреждение в сфере организации внеурочной деятельности. К сожалению, коммерциализация досуговой сферы на сегодня не дает возможности обеспечить занятость всех детей и молодежи. Отметим, что сегодня необходимо привлекать и священнослужителей к вопросам профилактики данного негативного явления.

Таким образом, анализ причин и путей решения проблемы алкоголизма среди молодежи конца XIX и начала XX веков привел нас к следующим выводам: несмотря на все принимаемые меры и в конце XIX-начале XX веков алкоголизация среди молодежи как явление имело место быть и являлось актуальной и социально значимой проблемой. Во-вторых, определяются причины алкоголизации (повсеместное распространение явления, семейный алкоголизм, плохая организация досуговой деятельности). В условиях современности мы находим подобные проблемы. Это мы можем рассматривать как определенную закономерность в сохранении явления, поэтому при постановке путей решения вопроса необходимо обратить внимание именно на указанные причины. В-третьих, на пьянство всегда смотрели и смотрят как на негативное социальное явление российской повседневности, поэтому до сих пор пытаются найти новые пути решения данной проблемы. В этой связи и

необходимо изучение исторического наследия, которое определяет перед нами свои способы борьбы с этим недугом.

Список источников

1. Екатеринбургская неделя. 1886. № 44.
2. Екатеринбургская неделя. 1893. № 39.
3. Екатеринбургская неделя. 1886. № 9.
4. Екатеринбургская неделя. 1894. № 2.
5. Екатеринбургская неделя. 1894 № 4.
6. Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1893. № 32-33.
7. Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1893. №43.
8. Оренбургские епархиальные ведомости. 1912. № 4, № 50.
9. Оренбургские епархиальные ведомости. 1884, № 9
10. Пермская земская неделя 1895. № 9.
11. Пермская земская неделя. 1895. № 17.
12. Пермская земская неделя. 1907. № 34.
13. Содержание и методика педагогической деятельности в социальной работе (социальная педагогика) [Текст]: учеб. пособие / Н.А. Соколова, Н.П. Артемьева, В.Ф. Жеребкина, Т.Г. Пташко, С.В. Рослякова, Е.Г. Черникова, Т.П. Скребцова, А.А. Шевченко, Е.В. Моисеева, Н.В. Сиврикова. - Челябинск: изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2014. - 350с.

10. Возрастание миссионерского влияния на старообрядческое население урала повседневной деятельности православной церкви во второй половине XIX-начале XX

На основе переписи 1897 года Центральный статистический комитет МИД к началу XX века подсчитал, что всего в России старообрядцев, сектантов и уклоняющихся было 2 173 738 человек или 2,49 % от всего состава населения империи. Многие из них проживали на Урале, при этом больше всего их, по выражению тех лет, «гнездились» в Пермской губернии - 214 725 человек [1. С. 421]. Из них в Екатеринбургской епархии в 1901 году находилось, по нашим подсчетам, 55 822 человека [2. С. 126], а в Оренбургской - 86 950 человек [3. С. 24]. По социальному составу в основном это были крестьяне, казаки и мастеровые люди. Многие из них переселились из центральных губерний страны еще в первой половине XIX века. Они продолжали приезжать и обживать уральские земли и в последующие годы. Старообрядцы постоянно находились в поле зрения местной власти и православной церкви. Отношение православной церкви в целом и епархий уральского региона в частности было различным в эти годы: от непримиримой борьбы до некоторых уступок и даже определенного сближения.

Отмена крепостного права, проведение либеральных реформ 60- 70-х годов XIX века оказывали существенное влияние на повседневную жизнь населения: менялись его интересы, возрастали запросы, появлялось больше возможностей в экономической и общественной сферах. Последующее десятилетие, 80-е годы, хотя и считаются временем контрреформ, но даже в этот период либерализация жизни общества продолжалась. Например, в первой половине 80-х годов Государственный Совет утвердил представление МВД о даровании раскольникам некоторых прав гражданских по отправлению духовных треб. По этому документу выдавались на общих основаниях паспорта раскольникам (кроме скопцов) для свободного перемещения внутри империи. Им разрешалось вести торговлю и промыслы. Раскольники допускались к работе в иконописные цехи. Они могли даже занимать общественные должности. Им дозволялось осуществлять общественную молитву, ис-

полнять требования и совершать богослужение по их обрядам, как в частных домах, так и в особо предназначенных для этого зданиях. Раскольникам разрешалось исправлять и возобновлять принадлежащие им часовни и другие молитвенные здания, приходящие в ветхость по «разрешению губернатора». С согласия МВД разрешалось открытие молитвенных зданий, но без всякого торжества. Они при погребении могли читать на кладбище молитвы по принятым у раскольников обрядам и пениям. Наставники, исполняющие духовные требы у раскольников, не подвергались за это преследованиям, но за этими лицами не признавалось духовного звания.

Как видно, послабления были существенными, они только не распространялись на скопцов. В отношении них скорее были ужесточения: им запрещалось принимать к себе в семьи, под каким бы то ни было видом, чужих детей. За распространение своей ереси и соращение в свою секту скопцы лишались всех прав состояния и ссылались в Восточную Сибирь под строжайший надзор. В условиях расширения прав раскольников православная церковь в своей миссионерской деятельности должна была не только совершенствовать имеющиеся формы и методы работы, а и искать новые. Епархии Уральского края еще до принятия этих «послаблений» для раскольников усилили свою миссионерскую деятельность.

Наш анализ миссионерской работы епархий Уральского региона во второй половине XIX века - начале XX века показывает, что, начиная с середины 70-х годов и через 8-10 последующих лет, была создана система миссионерской деятельности среди раскольников. Она успешно функционировала до осени 1914 года и включала следующие составляющие:

- 1) Создание братств и епархиальных комитетов православного миссионерского общества. Эти институты православной церкви и вели миссионерскую работу среди старообрядцев. Были утверждены штатные должности епархиальных миссионеров и подобраны хорошо подготовленные специалисты для этой деятельности.

- 2) Регулярные поездки миссионеров в приходы, «зараженные» расколом, для индивидуальных и групповых бесед со старообрядцами. Орга-

низация и проведение в присутствии раскольников и православных собеседований («состязаний», «дискуссионных бесед») между миссионером и начетником (глаголемым старообрядцем) по наиболее спорным вопросам истории раскола и православия.

3) Обязательное участие священников в миссионерской деятельности, в приходах которых проживают раскольники. Слабо подготовленным приходским священникам для этой сложной специфической деятельности практическую помощь оказывают штатные миссионеры, которые снабжались противораскольнической литературой. Создание специальных кружков из числа приходских священников для ответов на вопросы старообрядцев и православных по проблемам раскола.

4) Создание для миссионеров и священников особых библиотек, в которых собиралась вся необходимая литература для бесед со старообрядцами.

5) В целях увеличения числа миссионеров и улучшения их профессиональной подготовки было сделано следующее: а) в духовных семинариях открывались кафедры по истории русского раскола и сект; увеличивалось число учебных часов на изучение противораскольнических курсов; б) организация в епархиях «противораскольнических училищ» (курсов), где обучались взрослые крестьяне из числа православных или единоверцев, желавших вести миссионерскую работу среди раскольников.

б) Привлечение детей раскольников в школы грамоты и церковно-приходские; обучение церковно-хоровому пению, создание школьных хоров с участием в них детей раскольников.

7) Организация и проведение съездов миссионеров, где они бы обменивались мнениями и обобщали накопленный опыт по миссионерской работе.

В создании такой системы существенную роль сыграло состоявшееся в июле 1885 года в Казани собрание епископов Поволжья и некоторых смежных с ними епархий. В нем приняли участие епископы Вятской, Оренбургской, Пермской и Уфимской епархий. Собрались «для общего соборного рассуждения о местных церковных нуждах и потребностях».

В собрании епископов работали три комиссии, одна из которых обсуждала проблемы борьбы с расколом.

Основопологающей целью этой комиссии было «установление желаемых правильных отношений духовенства к расколу, которые должны состоять преимущественно в духовном воздействии на старообрядцев, в привлечении их к церкви примером доброй жизни, безукоризненном поведении, чинимым отправлением церковных служб и словом вразумления. Обращать внимание на наиболее правильную и твердую работу миссионерского дела в епархиях» [4. С. 586]. В принятом собранием архиепископов постановлении был раздел, подготовленным данной комиссией, и назывался он так: «О расколах и сектах и о мерах к ослаблению раскольнической пропаганды». В нем было много интересных практических предложений, большинство которых вошли в «Правила об устройстве миссии и о способе действия миссионеров и пастырей по отношению к раскольникам и сектантам». Этот документ был утвержден Святейшим Синодом 25 мая 1888 года [4. С. 586].

В соответствии с «Правилами» становится обязательным в епархиях, где проживали раскольники или последователи рационалистических сект, иметь одного или несколько епархиальных миссионеров. Кроме этого, по усмотрению епископов на местах можно было утверждать еще две категории миссионеров: уездных и окружных. Зарплата им изыскивалась из местных средств. В случае нехватки этих средств, можно было просить пособие у Святейшего Синода. Данные факты говорили о том, что роль миссионеров в конце 80-х годов заметно возросла. Штатные миссионеры должны были нести основную долю работы среди раскольников. Понимая это, Святейший Синод шел на увеличение численности миссионеров.

Наряду с увеличением числа миссионерских кадров, возрастали и требования к их качественному составу. Святейший Синод предписывал епископам на должности епархиальных миссионеров назначать священнослужителей, основательно знакомых с расколом и «местными лжеучениями», обладающих даром слова и вполне благонадежных по своим нравственным качествам». На эту должность рекомендовалось назначать лиц, «окончивших курс в духовных академиях или семинариях».

Понимая всю важность и сложность миссионерской деятельности, Святейший Синод требовал, чтобы епархиальные миссионеры были освобождены от обязанностей приходских священников и других служебных по епархиальному ведомству занятий. В «Правилах» отмечалось, что с утверждением епархиальных уездных и окружных миссионеров, приходские священники «отнюдь не освобождаются от миссионерской деятельности». При этом очень подробно расписывалось, как должны строиться отношения между миссионерами и приходскими священниками.

Основополагающей организационно-психологической установкой для миссионеров и приходских священников было то, что они при исполнении своих обязанностей должны проникнуться «живым сознанием единства их действия и оказывать друг другу братскую любовь и взаимопомощь в достижении цели, предупреждая всякие личные недоразумения, избегая всего, что может служить ослаблению и подрыву их деятельности во вред святой церкви».

Далее шли рекомендации по совместной работе приходского священника и миссионера во время собеседований последнего с раскольниками. Они носили методический характер и в то же время затрагивали субординационные моменты и были весьма любопытны. Так, прибывший на собеседование миссионер, «хотя бы он по своим познаниям и положению стоял выше местного священника, должен оказывать ему, как настоятелю церкви и пастырю прихода, полное братское уважение». По приезде в селение миссионер «...прежде всего, должен явиться к приходскому священнику... с тем, чтобы условиться о месте и времени беседы. В свою очередь, священник в начале встречи должен представить миссионера и открыть собеседование. Местному священнику представлялось произнести и заключительное слово по окончании беседы. Оно должно быть кратким и не затрагивать вопросов, могущие вызвать раскольников и сектантов на новые словопрения. Беседу вел миссионер, а священник должен обязательно присутствовать на ней. Но участвует в беседе лишь в том случае, когда «Сам миссионер признает нужным обратиться к нему за содействием».

«Правила» напоминали миссионеру и священнику, что им «более всего следует заботиться о том, чтобы неуместным замечанием или противоречием друг другу не подать повода совопросникам упрекнуть в чем-либо защитников православия».

Затем давалось несколько практических советов непосредственно миссионеру. Во время собеседования он в отношении раскольников и сектантов должен «соблюдать спокойствие, кроткое обращение и снисходительное терпение, не смущаться их дерзости, но братолюбивно обличать их неприличие». Миссионер должен являться на беседу с «хорошо придуманным планом собеседования». Каждое собеседование должно начинаться и оканчиваться, а может и прерываться общим пением молитв и псалмов.

В виду нерасположения раскольников к так называемому партесному пению, а также предубеждения их против икон, нового итальянского письма, приходские священники должны были соблюдать, чтобы в православных храмах и особенно среди расколического населения, пение приближалось, по возможности, к древне церковным напевам, а «иконы были письма более соответствующего греческим подлинникам». Кроме того, приходские священники должны заботиться, чтобы и домах прихожан не было икон, писанных неправильно, как дающих повод сектантам «к глумлению над святынию». Миссионеры и местные священники должны были исходить из того, что «ничто не должно было препятствовать сближению православных и единоверцев». Надо разъяснять прихожанам, что «единоверие не представляет особого, кого-либо отличающегося от православия исповедания. Они составляют одну церковь» [4. С. 588].

Рассмотрим влияние некоторых элементов этой системы на религиозно-нравственное состояние раскольников, на их взаимоотношения с православным населением и представителями церкви.

В 70-е годы при большинстве епархий Уральского края были созданы комитеты православного миссионерского общества. Они существовали на правах отделений Московского православного миссионерского общества, которое начало свою деятельность с 1870 года [5 . С.573].

Так, во второй половине 70-х годов в Вятской епархии существовавшая миссия сосредоточила свою работу по противодействию расколу. Ее штат состоял из главного миссионера и трех миссионеров священников.

В 1875 году начал свою деятельность Оренбургский епархиальный комитет православного миссионерского общества. Его членами первые годы работы было более 120 человек, а в 1893 году в его рядах насчитывалось более 215 членов [6. С. 248].

Работу среди староверов вели практически все братства, имеющиеся на Урале. Так, «делу вразумления раскольников в Уфимской епархии служило Свято-Троицкое братство, активно действующее в 70-е годы в г. Златоусте и Кусинском уезде [7. С. 252]. Дальнейшему улучшению миссионерской деятельности среди раскольников и сектантов в Оренбургской епархии способствовало создание 8 ноября 1886 года Михайло-Архангельского братства. Оно было образовано по инициативе Макария епископа Оренбургского и Уральского [8. С. 874]. Одной из основных задач братства было «примирение раскола с православной церковью» [9. С. 388]. Численность его быстро росла, членами братства были как священники, так и светские люди: купцы, чиновники, крестьяне, мещане. Но это были люди, изъявившие желание материально поддерживать миссионерскую деятельность. А ведь еще нужны были хорошо подготовленные миссионерские кадры. Вот что по этому поводу говорил Его Преосвященство Макарий епископ Оренбургской и Уральской епархии. Он 12 сентября 1886 года на заседании Оренбургской Духовной Консистории предлагал привлечь к миссионерской деятельности священников, окончивших курс семинарских наук, изучивших раскол в тех его видах, в каких он существовал в Оренбургском крае, и желающих принять на себя звание епархиальных миссионеров. Изъявившие данное желание могли бы выписать для успешной работы с расколом все необходимые книги и пособия на счет церкви [10. С. 768].

Миссионеры выбрали основной формой работы со старообрядцами собеседования, т.е. беседы-дискуссии по наиболее спорным проблемам православия и старообрядчества. Миссионер «состязался» с начетчиком или как еще тогда говорили «глаголемым раскольником». В их числе

выступал как представитель местного раскола, так и специально по приглашению из Москвы и других городов России. Последние были по существу идеологи раскола, знающие историю православия и старообрядчества, умеющие вести дискуссии, хорошо поднатюрившие на этих встречах.

Состязаясь важно было одержать победу в этом противостоянии. Собеседование шло при большом скоплении православных старообрядцев, которые внимательно следили за ходом дискуссии, после чего определяли, кто был лучше, убедительнее. Они, в конечном счете, определяли «кто победил». Собеседование было крупным событием в жизни раскольников и православного населения. Иногда под влиянием этих дискуссий раскольники принимали решение о переходе в единоверчество.

Действительно, миссионеру было очень важно победить в этой «брани». В противном случае вместо ожидаемой победы он потерпит поражение и тогда его беседа принесет уже не пользу, а громадный вред как самому миссионеру, так и всему приходу, особенно тем прихожанам, у которых зародились сомнения. Они, увидев миссионера или своего пастыря бессильным отстоять учение православной церкви, могут «... предать себя в руки «хищных волков». В подтверждение данного вывода можно привести интересный приговор, вынесенный жителями крестьянами хутора Самарского Орского уезда. Они на общем собрании постановили донести епископу Оренбургской и Уральской епархии следующее: «в начале января 1895 года в наш хутор Самарский прибыл давно ожидаемый епархиальный миссионер Головкин, где он вел собеседование с нашими молоканами в продолжение 5 дней, дважды в день - утром и вечером. Беседы его оказали весьма благотворное влияние: по отъезде его молоканы совершенно растерялись, не зная чем оправдать свое ложное учение, мы же, православные, торжествовали. Теперь мы на деле видели и вполне осознали, насколько наши сектанты увлечены ложным молоканским учением, которое до сего времени силою навязывалось нам. Ныне же спокойно и со смирением затаиваю: свое учение в сердце своем... Сердце рвется сказать Вашему Преосвященству сынов-

ную благодарность за посольство к нам многоуважаемого миссионера Головкина». Этот приговор подписали 52 человека [11. С. 156].

В начале 80-х годов Оренбургская епархия, не найдя пока достойной кандидатуры на должность епархиального миссионера, часто приглашала для проведения собеседований со старообрядцами лучших миссионеров пермской и других епархий. Так, по инициативе Преосвященного Вениамина епископа Оренбургского и Уральского в сентябре 1882 года состоялось 12 миссионерских бесед, которые проходили с трех до семи часов вечера. На них речь шла о расколе старообрядчества. Их проводил миссионер Пермской епархии священник Стефан Александрович Лукин. Для Оренбургской епархии это было новой формой миссионерской деятельности. Ведь впервые проходила встречи в форме дискуссии между представителем православия и защитником русского раскола. Беседы вызвали большой интерес и проходили при значительном стечении народа, как православного, так и раскольников. Много было людей и из ближайших деревень [12. С. 715].

Чаще других в Оренбургскую епархию приглашали, пожалуй, лучшего миссионера, специалиста по расколу, священника Пензенской епархии Ксенофонта Крючкова. Вскоре он станет Оренбургским епархиальным миссионером, а позже он будет ведущим миссионером Святейшего Синода. На Урале он, по мнению епархиальной прессы, «блестяще» выглядел в дискуссиях с лучшими начетчиками раскола. Это признавали и сами старообрядцы. Насколько яркими и убедительными были выступления Ксенофонта Крючкова в ходе этих встреч-дискуссий с представителями раскола говорит такой факт, что часто после них некоторые раскольники присоединялись к православию. Например, только в ноябре 1884 года в Оренбурге таких было 11 человек. Причем двое их них, и это было очень важно для епархии, пользовались особым влиянием в кругу местных раскольников. Это были так называемые «глаголемые» старообрядцы [13.С. 74].

Население Миасского завода впервые присутствовало на беседе миссионера отца К. Крючкова 17 февраля 1885 года. В храме, где была хорошая акустика, собралось 1000 человек. Сюда пришли представители местных сект. Дискуссию с миссионером вел представитель австрий-

ской секты Задубровский. Вот что писали «Оренбургские епархиальные ведомости» об этом собеседовании: «Поражение австрийцев было полное. Впечатление на публику громадное. Возражатели безмолвствовали, поникнув головами, неласково оглядывая своего несчастного пастыря... А представители беспоповщинской секты не стали выступать в роли возражателей ни 17, ни 19 февраля» [14. С. 221]. Вскоре 3 марта 1885 года состоялась новая беседа-дискуссия К. Крючкова с вызванным старообрядцами из г. Хвалынска начетчика раскольнической австрийской «лжеепархии» Климом Перетрухиным. Местом дискуссии был определен второй этаж дома купца Зубова. На беседу шли люди разных званий и состояний: одни шли за разрешением религиозных иных недоумений, другие - из простого любопытства. В большом зале купеческого дома было установлено две кафедры для собеседников. Беседа проходила в течение двух дней. И в этих словесных прениях убедительнее был отец К. Крючков [14. С. 224].

Событием в Оренбургской епархии стали встречи лучшего миссионера К. Крючкова с сильнейшим начетчиком раскола Онисимом Швецовым. О. Швецов, или как его называли раскольники Арсений - личность, пользовавшаяся широкой известностью не только в раскольническом мире, где его считали непоколебимым и непреодолимым столпом и защитником «древле православной», но и среди православных, живущих в одном районе с раскольниками. Достаточно известен он был и в Оренбургском крае.

Интерес к одной из первых встреч подогревала и пресса. В мае 1888 года «Оренбургские епархиальные ведомости» писали об этом так: «...публичное состязание с известным расколоучителем О. Швецовым проходила в Манеже при юнкерском училище. Большая масса народа, занявшая Манеж, в течение 5-7 часов внимательно слушала дискуссию. Это было одним из центральных событий 1888 года. Ибо Онисим Швецов среди раскольников считался лучшим расколоучителем.

При этом О. Швецов, давая оценку результатам этой встречи, везде говорил, что он победил отца Крючкова. Однако «Оренбургские епархиальные ведомости» писали о том, что не О. Швецов, а православный

миссионер был убедительнее и ему по праву принадлежит победа [15. С.11].

В соседней с Оренбургской губернией Уральской областью К. Крючков еще раз в 1889 году успешно провел дискуссию с О. Швецовым. О результате этой встречи можно судить по тому, что православные слушатели этого собеседования преподнесли миссионеру икону Спасителя и адрес, «коим засвидетельствовали, что остались вполне и «довольны беседой с О. Швецовым» [16. С. 50]. А, судя по тому, что в последующем О. Швецов, приезжая в Оренбургский край, всякий раз отказывался от открытых встреч с К.Крючковым, можно смело предположить, что в прошедших ранее дискуссиях действительно победа была за последним.

В начале 90-х годов такие собеседования, как форма воздействия на раскольников, продолжали оставаться на вооружении миссионером Оренбургской епархии, где насчитывалось 97 965 старообрядцев и сектантов. Часто они сами были инициаторами таких «состязаний». Так самарские старообрядцы приглашали начетчика Машкова, проживающего в Самарской губернии, челябинские раскольники звали начетчики из Саратова, миасские - из Нижнего Новгорода.

По-прежнему тесные связи с Оренбургской епархией поддерживал и отец К. Крючков, ставший уже к этому времени синодским миссионером. А в 1903 году он даже временно исполнял обязанности Оренбургского епархиального миссионера [17. С. 25].

Вместе с тем в Оренбургской епархии были люди, которые задавались вопросами: «По какому праву житель Нижне-Новгородской губернии О. Швецов ездит по делам раскола то в Москву, то в Петербург, то на Дон, то на Урал? Какая церковная власть, признанная законом представляет ему такие поездки и дает такое право?» И отмечали, что такой власти нет. «Пусть О. Швецов свободно пребывает в своем нижегородском уезде, пусть он является на беседы с православными даже во всех уездах Нижегородской губернии, но предоставлять ему полную свободу разъезжать по всем концам Российской империи для пропаганды раскола нельзя» [16. С. 50]. Это был по существу призыв не разрешать в лице О. Швецова идеологам раскола разъезжать по стране и вести пропаганду старообрядчества. И это предлагалось в условиях, когда

православная церковь взяла курс на некоторые уступки расколу и на сближение с ним. Поэтому церковь в целом и епархии Уральского региона в частности избрали правильный путь: не уклоняться от дискуссии с идеологами раскола, а тем более пресекать их выступления, не пользуясь административно-властными ресурсами. Был взят курс на проведение бесед-дискуссий или, как тогда называли их, «состязания» с приглашением на них как раскольников, так и православных.

Церковь выставляла против идеологов раскола достойных противников из числа лучших миссионеров, специализирующихся на истории раскола. Иначе и быть не могло, ибо поражение миссионера в таких состязаниях означало подрыв авторитета православия.

На встречи и собеседования миссионеров и священников Пермской епархии раскольники являлись охотно. Часто последствием их было присоединение к православию. Только в одном 1875 году 272 раскольника присоединились к церкви. Из них 152 - безусловно, и 120 - на правах единоверия. Этот результат, как отмечал граф Д. Толстой в своем отчете, был весьма высоким, ибо «раскол в Пермской епархии более чем где-либо, упорен и поддерживается как наставниками, так и географическими особенностями губернии» [18. С. 406].

«Оренбургские епархиальные ведомости» писали, что в 1876 году число присоединившихся раскольников к церкви в Оренбургской епархии составил 477 душ [7, С. 254]. А в целом по стране только в 1875 году в лоно православной церкви в результате «просветительного действия к вразумлению коснеющих в расколе было возвращено... 2746 человек, ... более значительное присоединение совершили Оренбургская и Пермская епархии» [19. С. 254].

Процесс присоединения старообрядцев к православной церкви происходил и в последующие годы. Так, в 1899 году в Екатеринбургской епархии к церкви присоединилось безусловно 238 и на правах единоверия 209 раскольников [19. С. 171]. А в 1900 году в этой же епархии присоединились на тех же условиях соответственно 325 и 239 человек [20. С. 127]. Совет братства Святого Семона Верхотурского чудотворца с 19 апреля 1901 года открыл сбор на создание фонда для людей, оказавших-

ся в затруднительном положении из-за перехода от сектантства и православие[19. С. 198].

Приходские священники по указанию епархиального начальства Уральского региона, несмотря на свою большую занятость повседневными делами, занимались миссионерской деятельностью среди раскольнического населения своего прихода. Эта обязанность с них не снималась даже тогда, когда возросло число штатных миссионеров в епархиях. Однако, как показывала практика, многие местные священники были слабо подготовлены к миссионерской деятельности среди старообрядцев. Им не хватало знаний по истории раскола, методике ведения дискуссий с раскольниками и т.д. Они должны были заняться самообразованием.

Святейший Синод, епархии стали готовить для них необходимую литературу. Например, чтобы освободить их от поиска в старопечатных книгах доказательств против раскольников, для них делались специальные выписки из этих книг с соответствующими комментариями. Говоря современным языком, это была своего рода методическая литература. К ней относились выпущенные в тот период следующие книги и (брошюры): «Увещевание в познании истины», «Беседы к глаголемому старообрядцу», «О древнеистинной церкви». Данная литература показывала, как необходимо применять свидетельства старопечатных книг в беседах и давались практические советы как вообще лучше организовать беседу с раскольниками.

Штатные миссионеры епархий должны были оказывать местным священникам необходимую помощь. На это их нацеливал и Святейший Синод. Так, обер-прокурор Святейшего Синода граф Д. Толстой, курирующий ведомство православного исповедания, в итоговом отчете и 1874 год отмечал, что в местах «наиболее зараженных расколом, чтобы сильнее оказывать влияние на заблудших, миссионеры привлекали приходских священников к благому воздействию на раскол, снабжая их старопечатными церковными книгами, брошюрами и полемическими сочинениями, необходимыми при борьбе с коноводами раскольниками для обличения неправоты раскольнических мнений» [21. С. 376].

В Оренбургской епархии в конце 80-х годов успешно вели миссионерскую деятельность среди раскольников и сектантов приходские священники Д. Неополитанович, П. Фролов, П. Ерофеев, П. Биряси и другие [16. С. 11]. В начале 90-х годов в «Оренбургских епархиальных ведомостях» была введена рубрика «О присоединении к святой церкви раскольников». Здесь сравнительно регулярно публиковалась информация о том, когда, в каком приходе и сколько раскольников присоединилось к православной церкви. Как выглядел рапорт православной священника можно увидеть на примере донесения священника Каменской слободы Челябинского уезда Павла Комарова. Он рапортом от 7 января 1890 года сообщал епархиальному начальству, «что в течение минувшего года обращено из раскола поморской беспоповщинской секты к православию семейство крестьянина деревни Язевой Семена Ивановича Бабушкина, состоящее из пяти человек и сына крестьянина Моисея Лужкова» [22. С. 53]. А священник села Косолапово Макарий Лушников информировал епархиальное начальство, что в течение 1890 года «присоединил от раскола к святой церкви 28 человек». Священник Мухрановской Свято-Троицкой церкви Павел Беляев доносил, что «в течение второй трети 1890 года им присоединено из раскола разных лет 13 человек: 6 мужчин и 7 женщин» [23. С. 63]. Жаль только, что в этой краткой информации не было сведений о формах и методах работы с раскольниками, в результате которых священникам удалось добиться их ухода из раскола.

Очень часто сложными были отношения между приходскими священниками и старообрядцами. Не сразу местным священникам удавалось добиться успеха в своей миссионерской работе. Нужна была выдержка, терпение, знание особенностей жизни раскольников и т.п. Вот как описывал свою миссионерскую деятельность священник Бударинской станицы Пимен Ерофеев, поступивший в 1886 году на службу в единоверческий приход. Здесь было 450 душ православных и 1811 человек раскольников разных сект. Ознакомившись с приходом, он начал вести беседы о вере и церкви, «не оставляя при этом без внимания и единоверцев, так как некоторые из них враждебно смотрели на православные церковные обряды». На первых порах он «встречал грубости,

дерзости». Раскольники на беседах, которые он проводил, «не могли хладнокровно говорить о делах веры и церкви, а на задаваемые вопросы отвечали со злобой. Бывали случаи, что раскольники, не находя ответа на эти вопросы, с шумом уходили с беседы, крича: «Что ты нам толкуешь, мы не желаем ходить в церковь» [24. С. 27]. Единоверцы же «слепо держались старых обрядов и опирались на авторитеты прежде бывших и настоящих единоверческих священников, ратовали против введения обрядов православных». Священник, чтобы расположить к себе раскольников, занялся, прежде всего, лечением телесных недугов. Сначала они «дичились» священника и заболевшие приходили к нему за помощью в сопровождении кого-нибудь их православных. Но, осмелев, стали приходиться без всяких спутников. Некоторым больным священник помогал сам, а других уговаривал обратиться к врачу.

Пимен Ерофеев, зная негативное отношение раскольников к привитию против оспы (по их мнению, это была печать антихриста), начал прививать оспу детям православных. Вскоре к нему стали обращаться некоторые раскольники. Среди них были даже самые «грубые» раскольники, «прося, чтобы он привил ее их детям».

Раскольники стали обращаться к Пимену Ерофееву с разными просьбами о помощи в любое время. Священнику было приятно, что, если раньше его староверы считали еретиком, антихристом, то теперь приходили и просили помощи. Когда они «привыкли» к нему, тогда он начал наряду с телесным лекарством предлагать и «душевное». Раскольники слушали, задавали вопросы, высказывали и свои убеждения. Теперь уже не было той грубости, с которой сталкивался священник в опале своей деятельности. За полгода такой его работы 13 человек раскольников обратились в православие [24. С. 27].

Подобную «методику» работы в старообрядческой среде избрали приходские священники Оренбургской и других епархий на Урале. И она давала положительные результаты.

Совет Оренбургского Михайло-Архангельского братства в своем решении от 26 марта 1887 года для более успешной и плодотворной работы с расколом рекомендовал образовать в каждой благочинии епархи-

альный кружок, состоящий из 2-3 священников, которые бы в любое время были готовы давать ответы на все возражения раскольников и «недоумения» православных [25. С. 337]. Это решение позволяло священникам объединить свои усилия в деятельности против раскольников и воздействия на колеблющихся православных. К началу 90-х годов и Оренбургской епархии успешно действовало уже 27 кружков, сформированных из приходских священников. Это были своего рода консультационно-методические центры [25. С. 27].

В результате деятельности штатных миссионеров и приходских священников, осуществляющих миссионерскую работу, участились случаи перехода раскольников в православие или единоверчество. И это можно считать высшим проявлением успеха. Но кроме этого, и исследуемый период приходские священники отмечали, что заметно улучшилось среди старообрядцев отношение к православной церкви и ее представителям. В отчетах, поступающих к епархиальному начальству, приходские священники писали, что раскольники «смягчились», «исконной неприязни и ожесточенности старообрядцев против святой церкви» уже не наблюдается [7, С. 254]. В Оренбургской епархии отмечалось, что «напряженность и фанатизм раскола ... становится слабее и по некоторым признакам раскол склоняется к сближению с православной церковью» [7. С. 355].

Активизация миссионерской деятельности среди раскольников и сектантов требовала и наличия в гораздо большем количестве специальной литературы в помощь тем, кто непосредственно проводил эту работу. Им нужна была не только методическая литература, но и старые церковные книги, которые были весьма почитаемыми у старообрядцев. Однако они из-за своей редкости и ценности стоили весьма дорого. Большинство миссионеров и, уж тем более, приходские священники не в состоянии были их купить на свои деньги. Учитывая это, Святейший Синод и епархиальное начальство взяли на себя не только приобретение всей необходимой противораскольнической литературы, но и создание из нее библиотек. Совет Оренбургского Михайло-Архангельского братства создал такую библиотеку при Оренбургской духовной семинарии. Она ежегодно хорошо пополнялась нужной для миссионерской ра-

боты литературой. Миссионеры и приходские священники имели свободный доступ к этим книгам.

Все приходские библиотеки также пополнялись противораскольнической литературой. А при 27 учрежденных кружках для миссионерской деятельности на средства Оренбургской епархии были также созданы библиотеки [24. С. 23]. Все местные священники имели всю необходимую противораскольническую литературу для повседневной работы.

Успешно решались проблемы увеличения числа миссионерских кадров и их профессиональной подготовки. Помимо подготовки миссионеров через традиционную форму обучения на Урале была найдена новая. Еще в 1876 году из церковных средств Вятской епархии на «противораскольническое училище» было отчислено 1289 руб. А губернское земское собрание ассигновало из сумм губернского сбора учащимся этого училища 150 руб. на проезд из места их проживания до г.Вятки и обратно.

Первыми учащимися стали 10 человек. Они были из числа крестьян Вятского и Орловского уездов, их приходов, зараженных расколом. Это были взрослые крестьяне, ведущие безупречный образ жизни, имевшие склонность беседовать о предметах веры и не связанные семенным положением и хозяйственными нуждами. Занятия в училище вел главный миссионер, а в его отсутствие преподаватели духовной семинарии [26. С. 216-217].

В 90-е годы Вятское миссионерское братство учредило еще несколько школ для подготовки крестьян к ведению беседований со старообрядцами. Здесь учащиеся изучали историю раскола и источники для «обличения раскольнических заблуждений». При этом они «практически занимались со старопечатными книгами, в которых раскольники усматривают основания для своих лжеучений». Кроме этого, они получали знания из священной церковной истории и Закона Божия. Слушатели этих школ изучали и самое необходимое из других общеобразовательных предметов. По окончании курса в этих школах лучшие ученики направлялись учителями в братские сельские школы, где вели школьное начальное обучение. Кроме этого, под наблюдением приход-

ских священников проводили открытые беседы с местными раскольниками [27. С. 318].

Курсовая подготовка миссионеров действовала в 90-е годы и в Оренбургской епархии. Так, в 1895 году на курсах обучалось 11 человек. Из них 4 человека были из мещан и 7 - из крестьян Оренбургской губернии. При этом четверо из слушателей пришли из раскола. Во время обучения слушатели курсов принимали практическое участие в беседах со старообрядцами [28. С. 507].

Пермское братство также старалось «приискивать из крестьянской среды лиц, которые, будучи знакомы со Священным писанием, в достаточной степени освоились с раскольническими заблуждениями, могли бы помогать приходским священникам вести собеседования с раскольниками» [29. С. 318].

В 80-е годы Святейший Синод и епархии уделяли большое внимание улучшению миссионерской подготовки учащихся духовных семинарий. Летом 1886 года определением Святейшего Синода за № 1623 было решено в течение трехлетнего срока открыть в 12 духовных семинариях кафедры истории и обличия русского раскола и сектантов. В их числе была названа и Пермская духовная семинария [10, С. 759]. Во всех епархиальных духовных семинариях было увеличено число учебных часов на изучение противораскольнических дисциплин.

Приходские священники и миссионеры считали, и не без основания, что лучшим средством к ослаблению раскола является привлечение детей старообрядцев в церковные школы, ибо здесь обучение шло в духе православия.

Приходские священники и законоучители этих школ убеждали раскольников отдавать туда своих детей. В 70-е годы в Оренбургской губернии раскольники более охотно стали отдавать своих детей в церковные школы. Здесь, еще до создания массовой системы церковного приходского обучения, в 1877 году обучалось более 800 детей раскольников [29. С. 246-247]. Причем родители-старообрядцы при выборе ими школы (церковной, земской, миссионерской) предпочтение отдавали церковным школам. От земской или миссионерской школ их отталкивала «слабость в них церковного элемента, приобретение «новомодных»

способов преподавания, ... а в церковных школах преподавание ведется преимущественно на почве религиозной» [30.С. 470].

На примере деятельности Александровской церковно-приходской школы можно наглядно проследить, как менялось к ней отношение раскольников. В Александровском приходе Оренбургского уезда раскол составлял более половины населения (50 семей). Они имели свою старообрядческую школу. А в 1880 году здесь была открыта церковно-приходская школа. Сначала раскольники смотрели на нее, «как на что-то совсем их жизни не касающееся». Дети раскольников в ней не учились. Учитель школы, окончивший курс духовной семинарии, А. Понфилов получил право епархиального начальства вести публичные беседы с раскольниками в помещении школы. В повседневной жизни школы ярко проявилась церковность. Этим-то и обратила на себя внимание старообрядцев. Они видели, что здесь достойное место отводилось изучению Закона Божию, ученики читают и Святое Евангелие и Псалтирь, а школьный день начинается и заканчивается молитвой.

Ученики участвуют и в церковном богослужении посредством пения и чтения. А ведь у раскольников это считалось делом большой важности и религиозной жизни христиан. Авторитет школы среди старообрядцев рос, и у некоторых из них появилось желание отдать своих сыновей учиться сюда.

Родители хотели, чтобы их дети научились скорописи и арифметике. Но вскоре дети стали обучаться всем предметам, не исключая Закон Божий, и славянской грамоте. Молиться их вместе с православными не заставляли, а также и читать молитвы «по-никониански». Это нравилось родителям. Поэтому школу все больше и больше стали посещать дети раскольников. Среди них были и девочки. Многие из детей старообрядцев, в том числе и несколько девочек, окончили полный курс церковно-приходской школы и, успешно выдержав выпускные экзамены, получили надлежащие свидетельства. Вскоре отец Венедикт Макаров открыл в Александровке воскресную школу для подростков и взрослых селян. В числе ее учеников было много раскольников. Они поступили с целью поучиться скорописи и арифметике. Но и здесь на первом месте был Закон Божий. Раскольники, поступившие в воскресную школу, были в

возрасте 17-23 лет, то есть уже вполне зрелыми людьми. Поэтому они сознательно и хорошо усваивали учение православной церкви, а это «не оставалось без добрых последствий». Большинство молодого поколения раскольников, обучавшихся в церковной и воскресной школах, по мнению приходского священника, в 1903 году было «проникнуто сознанием неправоты своих сектантских убеждений, только тяжелая рука стариков удерживает многих из них от присоединения к православию» [31. С 772].

В начале XX века стало обычной картиной, когда дети старообрядцев учились в различных школах (грамоты, церковно-приходских, передвижных и воскресных) системы церковно-приходского обучения. И 80-е годы в епархиальной печати активно обсуждались проблемы церковного хорового пения. Целью этой дискуссии было как, в общем, улучшение церковного пения, так и привлечения в церковь старообрядческого населения за счет хорошего хорового пения. Как показала дискуссия, от православной церкви старообрядцев отталкивали две вещи.

В церковном пении наметилось искажение мелодий в результате употребления напевов, образовавшихся под влиянием «итальянщины» и «напевов..., кощунственно взятых с народных плясовых песен, выдаваемых ... за древне церковные напевы...» [32. С. 78]. Эти недостатки предстояло исключить из церковного пения.

В ходе обсуждения проблемы было решено считать одной из мер улучшения церковного пения создание школьных хоров. От слов быстро перешли к делу. Епархии требовали от приходских священников создания в каждой церковно-приходской школе ученического хора. Эта задача решалась быстро. Приходские священники или сами становились регентами школьных хоров, или подыскивали среди своих прихожан тех, кто мог быть руководителем детского хора. Во многих церковно-приходских школах такие хоры были созданы. И хорошо подготовленные школьные хоры стали петь во время богослужения в воскресные и праздничные дни, привлекая православных. Вскоре выяснилось, что детское хоровое пение оказывало благотворное влияние и на старообрядцев. По мнению специалистов хорошо поставленное церковное пение, в том числе и детское, привлекало раскольников в православную

церковь или единоверческую. Оно же положительно влияло на принятие старообрядцами решения отправлять своих детей в те церковно-приходские школы, где были созданы школьные хоры.

Таким образом, во второй половине XIX века - начале XX века на Урале старообрядчество уже более терпимо относилось к православию, ежегодно сотни человек отходили от раскола и присоединялись к церкви. Это стало возможным благодаря той системе работы среди раскольников, которая была создана Святейшим Синодом и руководством епархий.

Список источников

1. Оренбургские епархиальные ведомости. 1903. № 1.
2. Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1902. №9.
3. Оренбургские епархиальные ведомости. 1902. № 24.
4. Оренбургские епархиальные ведомости, 1888. № 19.
5. Оренбургские епархиальные ведомости. 1871. № 15.
6. Оренбургские епархиальные ведомости. 1894. № 19.
7. Оренбургские епархиальные ведомости, 1877, № 8.
8. Оренбургские епархиальные ведомости. 1886. № 22.
9. Оренбургские епархиальные ведомости. 1889. № 15.
10. Оренбургские епархиальные ведомости. 1886. № 20.
11. Оренбургские епархиальные ведомости. 1895. № 9.
12. Оренбургские епархиальные ведомости. 1882. № 18-19.
13. Оренбургские епархиальные ведомости, 1885, № 2.
14. Оренбургские епархиальные ведомости. 1885. № 6.
15. Оренбургские епархиальные ведомости. 1889. № 3.
16. Оренбургские епархиальные ведомости, 1890, № 2.
17. Оренбургские епархиальные ведомости. 1905. № 12.
18. Оренбургские епархиальные ведомости. 1876. № 12.
19. Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1901. № 11.
20. Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1901. № 9,
21. Оренбургские епархиальные ведомости. 1876. № 11.
22. Оренбургские епархиальные ведомости. 1891. № 5.
23. Оренбургские епархиальные ведомости. 1891. № 6.

24. Оренбургские епархиальные ведомости. 1891. № 8.
25. Оренбургские епархиальные ведомости. 1887. № 9.
26. Оренбургские епархиальные ведомости. 1877. № 7.
27. Оренбургские епархиальные ведомости. 1894. № 10.
28. Оренбургские епархиальные ведомости. 1895. № 18.
29. Оренбургские епархиальные ведомости. 1878. № 8.
30. Оренбургские епархиальные ведомости. 1894. № 15-16.
31. Оренбургские епархиальные ведомости. 1903. № 22.
32. Оренбургские епархиальные ведомости. 1882. № 2.

Учебное издание

Перебейнос Артем Евгеньевич,

Пташко Татьяна Геннадьевна

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ МОЛОДЕЖИ УРАЛА
КОНЦА XIX– НАЧАЛА XX ВВ.**

Издательство ЗАО «Библиотека А. Миллера»
454091, г. Челябинск, ул. Свободы, 159.

Подписано в печать 22.02.2024.

Формат 70x90 1/16. Бумага офсетная. Объем 6,92 усл. печ. л.

Тираж 100 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии ЮУрГГПУ
454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 69